

Паола Мастрокола

Facebook под дождём

https://vk.com/romantic_books_translate

Внимание!

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления!

Просим Вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения.
Спасибо.

Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды.

Эта книга способствует профессиональному росту читателей.

Любое коммерческое и иное использование материала, кроме предварительного ознакомления, запрещено.

Оригинальное название: *Facebook in the rain Paola Mastrocola, 2012*

Название на русском: *Паола Мastroкола "Facebook под дождём"*

Перевод: *Елизавета Стасенко (1-5 главы),*

Ирина Коломиец (с 6 главы)

Редактор: *Оксана Волкова (1-5 главы),*

Анна Порк (с 6 главы)

Вычитка: *Анастасия Ланцова*

Оформитель: *Ксюша Манчик*

Обложка: *Марина Галимджанова*

Переведено специально для группы:

https://vk.com/romantic_books_translate

Любое копирование без ссылки

на переводчика ЗАПРЕЩЕНО!

Пожалуйста, уважайте чужой труд!

Аннотация

Домохозяйка Эвандра живет в маленьком городке Центральной Италии. Внезапно она остается вдовой, и ее жизнь становится пустой. У неё есть дочка, живущая далеко, и подруги, заваленные работой.

Единственное спасение — прогулка на кладбище, где Эвандра может видеться с другими вдовами. Но дождь... У дождя есть определяющая роль в этой истории. Благодаря дождю Эвандра открывает удивительный мир, который до того времени ей был полностью неизвестным: она берет уроки Facebook и ее жизнь изменяется.

Глава 1

В одном маленьком городке Центральной Италии, раскинувшемся на хребте Аппенинских гор, но не слишком высоко, однажды произошел случай настолько странный, что люди говорили: «Я не могу в это поверить», и ходили туда-сюда под приговоренными окнами даже на следующий день и днем позже. Никто не мог понять, как могло работать такое хитроумное устройство и кто его создал, если, конечно, кто-то его создал, и оно не было бесовским творением. Изобретение завораживало как летательные машины Леонардо (*прим.переводчика — Чертежи летательных машин Леонардо да Винчи*). Поэтому там всегда был кто-то, чтобы, держа нос по ветру, рассмотреть повнимательнее такое чудо: натянутые веревки, огромные крыльчатки, которые вращались в такт словно зубчатые колесики в часах; одно внутри другого в превосходной синхронии, система шкивов, моторчики, отражатели, которые отталкивали или притягивали радиоволны или, может, влияние звезд. Все, чтобы сотворить это чудо, это волшебное метеорологическое явление, которое казалось настоящим, естественным и непринужденным, поэтому чудесным. Даже сейчас, когда все в курсе случившегося, когда все знают факты, действующих лиц и самые сокровенные побуждения, об этом болтают. В этом маленьком городишке на тысячу жителей, или и того меньше, есть кто-то самый упрямый, кто продолжает проходить под окнами, показывая пальцем на то, что осталось от невероятного зубчатого механизма, и ворчит: «Как же это случилось? Как же это пришло ей в голову?».

Ее зовут Эвандра Мартелла, но она больше не живет в этом доме. И как позже узнали из достоверных источников, она даже и не думала возвращаться. Все прекрасно знают чья была вина. Если, конечно, речь идет о вине, а не о милосердии, об искреннем, доброжелательном и сердечном, почти страстном, акте милосердия.

Все началось в тот момент, когда она решила спросить у своей подруги Розалены:

«Как ты думаешь, чем я могу заняться, когда идет дождь?»

Именно это было ее огромной проблемой: что делать, когда идет дождь.

Проблемой Эвандры, которую называли в городе вдовой Мартеллой.

Глава 2

Приближалась осень. В межсезонье всегда неизвестно, захочет ли лето задержаться или уступит место осени. Эвандра, как обычно, шла вдоль одной из тех улочек, которые начинаются в историческом центре города на

площади Коммуны и Романской церкви Святого Леопольда и пересекают самые оживленные центральные улицы с множеством магазинов, а затем теряются в полях, отведенных под виноград и зерновые культуры.

За магазинами, перед полями, стоят всегда открытые железные ворота с распятым. За ними прямая дорога, вымощенная щебнем, скрипящим под каблуками, ведущая на кладбище. Оно похоже на сад, там очень много цветов и деревьев: гортензии, розы, шелковица, кипарис, дубы. Есть там и фруктовые деревья, мушмула и яблони, а вокруг кладбища расположилась длинная изгородь, колючая из-за веток малины и ежевики, покрытых шипами и редкими фруктами, преимущественно неприступных.

В глубине, там, где заканчиваются семейные склепы и стены, разделенные на погребальные ниши, не было ничего, за исключением покосившейся каменной балюстрады. Желаящие и свободные во времени могут облокотиться на нее и любоваться горизонтом, холмами, разделенными на вспаханные земли, а где-то вдалеке, если немного пофантазировать, даже морем.

Эвандра ходила на кладбище каждый день вот уже почти два года, с тех пор как Аурелио Мартелла покинул ее и отправился в лучший мир. Она садилась на одну из лавочек перед погребальными нишами и оставалась там столько, сколько ей заблагорассудится, даже до позднего вечера, когда зажигают свечи на могилах, и все вокруг озаряется мерцающим светом так, что огоньки кажутся душами усопших. Эвандра не знала, что ещё делать: Аурелио не хотел, чтобы она работала, и она, как только вышла замуж, уволилась из магазина сумок. Она ни капли не жалела об этом, ей не нравилось быть продавцом: в магазин почти никто никогда не заходил — ведь женщины не могут покупать сумки одну за другой, — поэтому она стояла за стойкой и смотрела у витрины на проходящих мимо людей, на их одежду, на тех, с кем они идут; и немного погодя снова умирала со скуки.

У Аурелио Мартелла были земли, виноградники и маленькая типография. Типография Мартелла, которую ровно в 5, несмотря ни на что, он закрывал, чтобы вернуться домой к жене, в своем пиджаке, хорошенько пропитанном запахом типографической краски. Он умывался, переодевался, выкуривал сигарету, выглядывая с балкона, входил обратно в дом и шел на кухню к Эвандре, чтобы поболтать, прочитать газету, накрыть на стол.

Эвандра ждала его весь день. Она делала все, чтобы как можно скорее наступили эти 5 часов, занималась то одним, то другим, но нельзя сказать, что она жила: она торопила день. Чтобы жить по-настоящему, как она говорила своей подруге Розалене, она ждала его, Аурелио.

До тех пор, пока дочь Алессия жила с ними, у нее было так много дел, что время до пяти часов проходило незаметно. В 20 лет Алессия уехала учиться в Рим. Она жила своим умом и ни от кого не зависела, и раз она решила, что будет учиться только в Риме, то либо так, либо она вообще не будет получать образование. Ее родители не посмели и рта открыть, ведь они все делали для того, чтобы дочь была довольна. Они сняли ей хорошую комнату рядом с Пантеоном и остались одни, как в начале их семейной жизни. С одной стороны они были довольны, а с другой — не очень, потому что половину их брака они прожили совершенно другую жизнь, жизнь с дочерью, которую нужно растить и за которой необходимо присматривать. Сейчас же они одни без дочери заперты в старинном семейном доме. Поэтому Эвандра ждала наступления пяти часов, а Аурелио, который знал это, старался пораньше прийти домой, иногда даже в три часа, под предлогом малого количества работы и присутствия Марио. Марио был его заместителем, и справлялся с неважно идущими делами типографии гораздо лучше.

Как бы то ни было им было хорошо в этом старинном одноэтажном доме, большом, но с немного темноватым залом: это было не столь важно — стоило всего лишь включить свет. По крайней мере, в доме было пространство, не такое как в квартирках, пусть и более освещенных, но в которых было так мало места, что приходилось ломать голову — будешь ли ты в гостиной болтать с друзьями или только обедать, потому что стол и диван вместе не помещаются. У них была гостиная, в которой стоял стол на восьмерых, диван и два кресла, камин, шкафчик с хрустальными бокалами и фигурками животных от Сваровски, плазменный телевизор и прекрасный изысканный сервант.

Эвандра была помешана на коллекционировании фигурок животных от Сваровски, и Аурелио ее в этом поддерживал. Каждый раз он приходил домой со свертком и любовался женой, когда она его развертывала, распаковывала и кричала от удивления. Иногда это был маленький пудель, иногда попугай или уточка, или слон, или мышонок. Каждый раз был праздником, будто это было в первый раз, будто она понятия не имела, что ждет ее в свертке.

В остальном они были самой обычной семьей: поездки к морю по выходным, вечера с друзьями за ужином, кино, прогулки, а летом — мороженое после просмотра новостей. Все было прекрасно, а самым лучшим было то, что они делали это вместе, даже покупки. Люди видели их бродившими из одного супермаркета в другой в поисках самой лучшей баночки консервированных томатов. Даже на почте, чтобы оплатить

квитанции и даже дважды в год в автосервисе, чтобы поменять зимнюю резину. Люди говорили: «Эти Мартелла сумасшедшие!». Они не были сумасшедшими: все, что они делали, было предлогом, чтобы побыть вместе. Они шли на почту? Ну да, потом они шли на площадь попить кофе, и около двух часов они сидели там, ничего не говоря друг другу, или наоборот болтали без умолку, кто знает о чем, так, что люди, гуляющие на площади говорили: «Этим Мартелла совсем нечем заняться»; либо удивлялись: «Вот о чем они болтают? Кажется, что у них всегда какие-то важные новости, и они сидят там, рассказывая все, что узнали?»

Так было до тех пор, пока однажды вечером, перед ужином, Эвандра не ушла на минутку к соседке, а, вернувшись, обнаружила своего мужа лежащим в кресле. Он был мертв. Одна рука вытянута на скатерти, другая свесилась с боку, голова была опущена вниз, как будто внезапно она оказалась слишком тяжелой. У Эвандры выпала из рук сумка полная овощей и фруктов, салата и меда, которые разлетелись по полу. Она бросилась к нему, стала поднимать ему голову, пытаясь вернуть ее в прежнее положение, целовала его и раскрывала ему глаза, чтобы он смог снова посмотреть на нее, но все безуспешно — он умер. Ее Аурелио ускользнул из ее жизни, тем самым, превратив ее в пустыню.

В этот вечер и на следующий день пришли все, родители и соседи, кто принес тарелку супа, кто зажаренного индюка. Позвонили врачу, в больницу и в похоронное бюро. Они были с ней, неподвижно сидящей на кухне на стуле рядом с тем, на котором умер Аурелио. Индюк остался нетронутым, остыл и суп, поднявшиеся макаронные колечки больше не казались первым блюдом, а всего лишь спагетти с размякшими овощами.

Мужа положили на кровать. На их кровать с индийским изголовьем, украшенным слонами. Сначала они откопали в шкафу двубортный пиджак серого цвета, белую рубашку, галстук в синий горошек. Затем положили красивое покрывало из тонкой шерсти и сверху уложили усопшего, красиво одетого со сложенными одна на одну руками и четками между пальцев. Без обуви. Носки темно-серого цвета, эластичные. «Почему ему не надели обувь?» — думала Эвандра, одновременно не думая об этом, будто мысли сами плавают у неё в голове, как белье, когда его оставляешь в тазике. «Мне не нравится, что он без обуви. Куда можно пойти, если не надеть обувь?»

Сестра приехала последней. Наконец-то. Сестра Анна, очень запыхавшаяся, с надутой грудью, которая подымается от дыхания. «Я приехала, как только смогла», — сказала она. Анна живет в тридцати километрах отсюда, в городе. Она подняла Эвандру со стула, прижала к

своей пышной, стоящей торчком, груди и простояла с ней вот так несколько минут, обе плакали в обнимку. Анна не могла поверить, что он умер, он, ее хороший зять, благородный, уравновешенный синьор. Слегка староват, это да. Двенадцать лет разницы — это не шутки. Он даже сам сказал это супруге в день свадьбы, ровно перед тем, как жениться на ней: «Смотри, Эвандра, со мной ты рискуешь, знаешь, я умру раньше тебя...» Откинув назад длинные черные волосы, она всего лишь рассмеялась, ведь он часто вел себя как мальчишка. И сейчас, ровно в 60 лет, внезапный удар. Внутричерепное кровоотечение. Ни одного признака, ни одного предупреждения, которое выразалось бы в хоть самой малой головной боли или в обмороке. Портится артерия и все, конец. Эмбол, сгусток крови попадает туда, и получается эффект лопнувшего шарика, так ей объяснили, она ведь ничего не понимает в медицине, да и не хочет понимать. Что случилось, того уже не изменишь. Для Эвандры существует только Бог, и от него она требует объяснения причины. «Объясни мне почему, — рыдает она в подушку по ночам, — объясни мне, если можешь! Если нет, то просто молчи, Бог, окажи мне услугу, просто замолчи, Бог! Молчи и все, ты это делаешь лучше всего!»

Глава 3

Дочь погостила у Эвандры месяц. Хорошая девочка, нечего сказать, она помогла ей в целом: с бумагами, старыми вещами, убрала чердак и несколько раз сводила маму на ужин в ресторан, чтобы отвлечь ее. Потом она уехала обратно в Рим. «Мне нужно учиться», — сказала она.

Сразу после ее отъезда, Эвандра начала ходить на кладбище. Сначала это было нормально. Кто так не делает? Когда у тебя умирает муж, ты идешь на кладбище. «Идти на кладбище» — это единственная мысль, которая посещает твою голову. Пару раз в месяц, даже два или три раза в неделю, почему бы и нет? Но каждый божий день — это перебор. И два года — это много. В какой-то определенный момент это должно было прекратиться. Сестра переживала за нее: «Приезжай ко мне, — говорила она. — Всего полчаса езды, и ты у меня, что тебе стоит? Ты отвлечешься, побудешь с детьми...»

Эвандра не хотела видеть детей. Рядом с ними ей было грустно и тоскливо, ведь эти юные создания находятся в самом начале их жизненного пути, а она себя чувствовала уже в конце этого самого пути. Эвандра не могла играть с племянниками, она бы просто забилась в угол и плакала. Единственным ее желанием было ходить на кладбище, и она ходила туда каждый день, потому что там был ее Аурелио. Это было то место, куда она

привела его в последний раз, поэтому, в некотором смысле, он все еще был там, и неважно, что он был мертв. Эвандра навещала его там, где он был, без обсуждений. Люди смотрели на нее и говорили: «Снова она там, вдова Мартелла! Вон она снова идет поболтать с мертвым!»

У нее было время, ведь она не работала. Аурелио оставил ей типографию, которая приносила хороший доход, но этим занимался Марио, заместитель. Аурелио не хотел, чтобы она работала, он говорил ей об этом много раз: «Когда я уйду, не огорчай меня, не ищи работу! Ты должна делать все то же самое, как будто я все еще здесь, обещаешь?» А она всегда просила его прекратить эти разговоры, мрачные, как ворон, предвещающий беду. Как бы то ни было, Эвандра не работала. У нее были доходы с аренды земель, выручка с виноградников: она могла не работать. Эвандра просыпалась в семь утра, и думала, чем она могла заняться? Ничем. Она мыла пол, мыла две тарелки, которые остались после ужина, если, конечно, она что-то поела, потому что в большинстве случаев она ложилась спать, выпив только чашечку молока. Потом она крошила немного хлеба на подоконнике для воробьев, спускалась выбросить завонявший мусор, слушала радио: главные новости, погоду, людей, которые прерывают эфир, чтобы сказать, что они думают о том, о сем, слушала о городских выборах, о референдуме, и о том, нужно ли строить атомные станции. Аурелио всегда говорил: «Учитывая тот факт, сколько их вокруг нас – станций из соседних городишек – нам уже все равно. По крайней мере, мы не платим дорого за электричество». Но Эвандра не знала, нравится ли ей жить по соседству с электростанциями из-за всей этой радиации. Она даже не хотела обзавестись микроволновкой, потому что ей казалось, что эти волны попадут в еду; и телефоном, потому что кто знает, что влетит ей в ухо? Да и какая необходимость? В любом случае, у нее есть стационарный телефон, но никто никогда ей не звонит, кроме сестры и подруги Розалены.

Однажды ей позвонил Сэкондо, муж ее сестры. Ее зять Сэкондо работает автомобильным электриком. Его мастерская находится прямо в центре города, где всегда оживленное движение. Складывается впечатление, что его дела идут как нельзя хорошо. И это очень даже неплохо, потому что у них трое детей-подростков, которые требуют денег. И новая курточка нужна, и обувь правильная тоже, и компьютер, и приставка последней модели, ведь если у тебя ее нет, друзья тебя к себе не позовут. «У тебя всего лишь одна дочь, счастлива ты, что не понимаешь этого», — говорит ей сестра, всегда очень занятая и в вечном беге то туда, то сюда. Сначала она спешит поговорить с учителями, потом бежит в ASL (*прим.переводчика — ASL (Azienda Sanitaria Locale) — дословно: местное*

санитарное заведение, т.е. пункт оказания помощи), чтобы провести приемы, осмотры и выписать справки. Естественно, потом она кушает. Только ест она многовато, это правда. Даже слишком много. «Но сколько ты вешишь?» — спрашивала Эвандра у сестры. Та не отвечала. Она говорила то, что собиралась сделать, и если она и ела, то это только потому, что ей были необходимы силы, бегать туда-сюда, в противном случае, она могла упасть в голодном обмороке.

Как бы то ни было, в тот вечер Сэкондо позвонил ей спросить, есть ли у нее дома свет, потому что они сидели в темноте. Разбушевалась гроза и оставила их в кромешной тьме.

«Но, Сэко (*прим.переводчика — Ударение на последний слог "Сэко"*. В сокращенных итальянских именах ударение всегда падает на последний слог: "Розалена — Розалè, Эвандра — Эвà", но есть и полное имя Эва, там ударение на первый слог), вы в тридцати километрах отсюда, причем тут есть ли у меня свет, или нет?»

«Притом, притом, не беспокойся...»

Они с зятем всегда находили общий язык, неизвестно почему. У них очень хорошие отношения с первой их встречи. Им даже особо и не нужно было разговаривать, по правде говоря, они вообще почти не разговаривали. Да и потом, что они должны были друг другу сказать? Им было достаточно таких отношений. Эвандра знала, что если ей нужна какая-то помощь, он всегда рядом.

Глава 4

Эвандра приходила на кладбище каждый день уже в течение двух лет, но именно в тот день она впервые поняла, что у нее большая проблема. В тот благословенный день в начале осени. Правда, казалось, что на улице еще лето, ведь стояла духота, и небо было укутано серыми тучами. Погода была похожа на июньскую, когда дождь может начаться в любой удобный Богу момент, и каждый раз это было похоже на всемирный потоп.

Эвандра, как уже было сказано, шла вдоль одной из тех улочек, которые ведут из исторического центра на окраину городка. Когда она преодолела ворота и собиралась пройти по посыпанной галькой дорожке на кладбище, внезапно началась гроза, раскалывающая небо на части и заливающая землю тоннами воды. Она вернулась обратно и укрылась от ливня, войдя в супермаркет. Эвандра поблуждала там немного с пустыми руками, затем взяла тележку и купила что-то, чтобы не казаться той, кто зашел в магазин только чтобы укрыться от дождя. Она купила несколько пачек печенья, выбирая их очень тщательно: печенье с маслом, без масла,

из непросеянной или из кукурузной муки. Она запаслась ими на славу, хотя и не ела их вообще; зато они могли пригодиться ей, когда неожиданно приезжала Алессия, чтобы сделать ей сюрприз, или сестра Анна, которая брала с собой детей, так они могли бы перекусить все вместе. В общем, Эвандра купила печенье. Но не было ни малейшего намека на то, что дождь вскоре прекратится. Он продлился около двух часов, а когда закончился, было уже так поздно, что кладбище закрылось, поэтому пришлось вернуться домой.

Это было начало. Этот дождливый день. Осложненный тем фактом, что дождь шел и весь следующий день, и день спустя, и еще несколько дней подряд, которые для нее казались вечностью.

Что касается дождя, он был частым явлением в эти два года, когда она осталась вдовой. Но Эвандра только тогда заметила свою проблему. Внезапно она поняла, что если у нее не получалось сходить на кладбище, она не знала, чем еще заняться — ее жизнь иссякла. Эвандра поняла это в тот самый день, там, в супермаркете, покупая пачки печенья, которые ей вовсе не были нужны, в тот день в начале осени, в котором не было ничего особенного; этот день был такой же, как и другие, но именно он дал начало всему тому, что произошло дальше. Кто знает почему. Возможно, потому, что она слишком долго была вдовой и больше не могла этого выносить, или, может, дождь никогда не был таким сильным и не шел столько дней подряд. В конце концов, она потеряла душевное равновесие, если так вообще можно говорить о женщине, которая превратила свою жизнь в походы на кладбище. Ровно семь дождливых дней она терпела, а когда уже больше не смогла, она со злости позвонила своей подруге Розалене, чтобы задать ей пророческий вопрос:

— Как ты думаешь, чем мне заняться, когда идет дождь? Ты мне поможешь, Розале?

Телефон в доме Розалены Аквавивы зазвонил вечером: это была ее подруга Эвандра. Если точнее, это был вечер седьмого октября, Розалена заплетала косу, и, чтобы ответить, она бросила ее недоделанной, ругаясь, ведь ей придется начинать все заново — очень длинные волосы никогда ее не слушались.

Розалене было 48 лет, в точности, как и Эвандре. Они подружились в начальной школе. Правда, в сравнении с Эвандрой, Розалена была сильнее, веселее, выше, элегантнее, энергичнее. Современнее. Другими словами, она была лучше во всем. Но самое главное заключалось в том, что у Розалены не было семьи. Она никогда не была замужем, и она всегда говорила: «Вот что ты будешь делать с мужем?» Она работала бухгалтером

на маленькой текстильной фабрике, специализировавшейся на производстве скатертей Old style. Old Style — это еще и бренд, Old Style Italy. Они экспортировали товар за границу, в том числе и в Америку. Розалена вела дела вместе с двумя коллегами-мужчинами. Бывало так, что она сидела на работе и по 10 часов, если так было необходимо. Она успевала делать покупки в обеденный перерыв, поэтому, выходя из здания вечером, она с легкостью выделяла себе часик в спортзале, прежде чем вернуться домой и на скорую руку приготовить легкий ужин. Она ела или чуть-чуть, или вообще ничего — все ради фигуры, потом либо шла на свидание, либо плюхалась на диван перед телевизором, либо садилась за компьютер, чтобы початиться с друзьями.

В тот вечер она должна была пойти на свидание. Один из ее коллег-мужчин пригласил ее в какой-то клуб. Он не сказал в какой, он просто спросил: «Ты не хотела бы после ужина пойти со мной в клуб?»

Одно лишь слово «клуб» заставило сердце Розалены биться чаще. Или это из-за того, что коллега, который каждый день на протяжении полугода был перед ее носом, наконец-то решился на что-то. Он очаровал ее сразу же. Розалена использовала глагол «очаровать» почти везде — эта штука меня очаровывает, этот фильм, эта пицца, этот мужчина — все ее очаровывало. Этот коллега ее очаровал, потому что он был немногословен, и его усы были черные как смоль, и потому, несмотря на тот факт, что он всего лишь два раза за последние полгода обратился к ней, она каждый раз вздрагивала от его глубокого как ночь голоса.

Факт остается фактом: когда Эвандра позвонила ей, чтобы спросить, что делать, если идет дождь, у Розалены голова была занята выбором парфюма и платья для предстоящего вечера.

— Что значит, чем тебе заняться, когда идет дождь? Что это за вопрос? — спросила Розалена задумчиво.

Эвандра тихим загробным голосом объяснила ей с точностью, спокойствием и отчаянием, что, когда идет дождь, она не могла идти на кладбище, и тогда не знала, что ей делать в своей жизни. И, если дождь шел целыми днями, как тогда, то это был самый настоящий кошмар, и она не знала, сможет ли это вынести. И сможет ли Розалена любезно помочь ей выбраться из этого черного туннеля и сказать, что ей делать, учитывая тот факт, что она была ее лучшей подругой.

— Розале, — сказала Эвандра ей. — У меня появляется пустой день, который для меня кажется настоящим адом... Я чувствую себя на краю бескрайней пропасти. Я хочу броситься в нее, Розале. Что мне делать?

Эвандра высказала подруге все на одном дыхании, ровным и мрачным

как болото голосом. По ее голосу Розалена поняла, что дело серьезное. Она села на унитаз, отложила в сторону вечерние мысли как о клубе, так и об усатом коллеге.

— Эва, что я могу тебе сказать? Хочешь покончить с этой чушью с кладбищем? Если идет дождь, ты сидишь дома! Я ясно выразилась?

Сколько раз Розалена говорила ей прекратить, она не может так продолжать и ходить каждый день к покойнику. Хватит! Подруга говорила, что жизнь продолжалась, а она сидела там, между гробницами, как колючий сухой репейник между камнями в пустыне. Так она и говорила, добавляя диалект в свою фразу: «Кто ты, Эва? Репейник *in miezz'a le petre?* (прим.переводчика — На одном из южных диалектов «*in mezz'a le petre*» — на итальянском «*in mezzo alle pietre*» — «среди камней»). Диалектов в Италии много, данное выражение относится к группе южных диалектов. Диалекты используются для выражения эмоций, а также во время ссор и споров).

Глава 5

Для Эвандры ходить каждый день на кладбище вовсе не было безумством, для нее в этом заключалась сама жизнь. Полная, богатая и, в некотором смысле, даже хорошая. Речь шла не о том, чтобы именно идти на кладбище, а о том, чтобы остаться там ненадолго. Провести время. Побывать там в неподвижности несколько часов. Сесть, поболтать, жить в том месте. Эвандра не ходила туда, чтобы принести цветы, поздороваться и уйти, или поплакать. Она ходила туда, чтобы провести время.

Да и место было очень красивым. Эвандра считала, что это было то место, которое должен посетить каждый. Останки Аурелио находились в погребальной нише, а ниши располагались в центральной части кладбища, которая была самой красивой: что-то вроде полого четырехугольника без потолка, четыре стены, которые возвышались к небу, каждая из них состояла из пяти секторов погребальных ниш, и в центре этого пространства — клумба с покосенной травкой, разрыхленная легкими холмиками и тропинками. Вокруг нее располагались лавочки, обращенные к нишам, так что, если правильно сесть, перед тобой был именно твой умерший.

Для своего Аурелио Эвандра выбрала третий ряд — самое лучшее место, потому что оно находилось как раз на уровне глаз и не надо было ни наклоняться, ни брать лестницу, чтобы поставить цветы или погладить фото. Также она получила квадратик земли прямо перед нишей, где можно было посадить розу для своего умершего. Многие так делали — сажали

живое растение, чтобы не ставить срезанные цветы, которые сразу же увядали, или искусственные, которые были еще хуже, потому что, казалось, что они совсем не связывают с усопшим: кто-то покупает один единственный раз пластмассовый букет, ставит его в вазочку без воды и больше не думает об этом, он может даже не ходить на кладбище.

В основном Эвандра ходила туда, чтобы ухаживать за розой, удобрять ее, обрезать сухие лепестки, пересаживать ее, когда нужно было. Она носила с собой в сумке мини-набор садовода: грабельки, тяпochку, распылитель. Она немного рыхляла землю вокруг, поливала и гребла.

Иногда розы было недостаточно, тогда Эвандра приносила букетик свежих цветов, чтобы поставить его в специальную вазочку, висящую на мраморной стене: хотя бы два цветочка, собранные по пути, а иногда букет пестрых гвоздик, которые она покупала у цветочницы за углом, эти цветы были ее любимыми. Действительно, какие цветы Аурелио приносил ей иногда по воскресеньям вместе с корзинкой пирожных с кремом? Пестрые гвоздики.

Потом Эвандра садилась на лавочку напротив и разговаривала с ним часами: она рассказывала о своем дне, жарко или холодно на улице, о тех, кто ей звонил и о том, как поживает их дочь Алессия в таком хаотичном Риме. Алессия очень мало звонила, и Эвандра не знала, что и думать, хорошо ли все у ее дочери или это просто такой возраст.

— Да, Аурелио, наверное, это возраст: в 22 года у девочки жизнь бьет ключом, она не хочет часто звонить домой, до матери ей никакого дела — у нее есть подруги, друзья, трактиры.

Эта история с трактирами ее немало задела только потому, что Алессия два или три раза сказала, что они вечером выходили гулять, чтобы зайти в трактир. Эвандра поняла это так, что в Риме принято ходить по трактирам, что это было нормой юношеской жизни, да и что она об этом знала? Может, это было какое-то заведение с названием «Трактир». Но одно даже слово, рифмующееся с «сортиром» (*прим.переводчика — В оригинальном тексте рифмуются taverna — caverna (таверна, трактир — пещера)*) заставляло беспокоиться. Может, Алессия скрывала что-то, может, они с Аурелио ошиблись, доверившись и отправив ее в такой большой город как Рим. Но она ничего не говорила по телефону по этому поводу, потому что, спрашивая слишком много, Эвандра потом жалела, ведь все заканчивалось тем, что Алессия ей грубила и бросала трубку.

— Лишь бы она на самом деле не бросала телефон. У нас у всех сейчас есть сотовые телефоны, и достаточно нажать красную кнопку или закрыть телефон с щелчком, если у тебя телефон-раскладушка. Но ты

знаешь, Аурелио, про мою манию к стационарному телефону. Я не знаю, он мне больше нравится, он для меня больше походит на телефон, чем сотовый. Серьезное дело, когда ты дома, садишься и отвечаешь, говоришь, а затем кладешь трубку. Ты с сотовым был современнее меня, Аурелио, ты справлялся даже с сообщениями, а я столько времени трачу, чтобы найти правильные буквы, что потом с моими пальцами случается нервный тик. Даже когда ты нудил с этой историей, что был стар для этого. Это я была старой, Ауре, и ты это знаешь!

Глава 6

Эвандра бывала на кладбище не только, чтобы поговорить с Аурелио или подрезать розу. Ещё чтобы встретить женщин, которые приходили к соседним нишам. Других женщин, которые также почти каждый день навещали своих умерших. Одни женщины. В большей степени жёны, оставшиеся вдовами, но были среди них и дочери, сёстры, племянницы. Они становились подругами. Станным образом, но они подружились. Такая вот дружба — сидеть вместе на одной лавочке или даже на разных, смотреть в сторону своего усопшего и недолго разговаривать с ним. Женщины обменивались губками и материалами для полировки мрамора и медных табличек. Вместе ходили к фонтану за водой. В итоге они знали о жизни каждой: «Как дела у твоего сына?» и «Когда он женится?», «Она хорошая девушка». Также все были в курсе, что внуки одной из них не хотят ходить в детский сад или чья-то старая тётка сломала себе бедренную кость, обсуждали какая дорогая нынче жизнь: «Ты в какой дисконтный магазин ходишь?», «Но это далеко, туда нужно ехать машиной», «Не волнуйся, я подброшу тебя»... Однако никто так никого и не подвозил, потому что они были, так сказать, подругами только в одном месте: они не встречались за его пределами, это было своего рода негласное правило, за пределы которого никто не выходил. Дружба существовала только на территории кладбища между стенами ниш, как будто только там они чувствовали себя защищёнными. Снаружи был мир, где всё по-другому. А внутри хорошо, так как каждая из них потеряла кого-то и их жизни внезапно изменились, стали уродливее, им нужно было продолжать жить хорошо или хотя бы не так плохо.

Например, Лучия Скатарла. Ей более семидесяти лет и весит около ста килограммов, но когда она меняет воду и натирает надгробия, то кажется молнией среди могил. Она потеряла двоих: мужа и младшую дочь, которая разбилась на мотоцикле, однажды приняв предложение друга прокатиться. Он остался цел и невредим, а девушка умерла на месте. Лучия прониклась

симпатией к Эвандре, она казалась ей настолько неподготовленной, такой беспомощной. «Разве возможно, что я всему должна учить тебя? Ты совершенно ничему не научилась?» — говорила она ей, когда объясняла, как, к примеру, приготовить макароны с баклажанами, как сделать так, чтобы они не пропитались маслом, от которого набирается лишний вес.

— Тебе не нужно набирать вес, дочь моя, слушай меня! — говорила она ей по-матерински.

У Лучии было семь внуков, которые наполняли её жизнь и всегда рассказывали, что делает один, а что другой. Но её любимицей была Лауретта, чью фотографию Лучия носила с собой и всё время целовала. Когда Эвандра спрашивала, почему она любимица, Лучия отвечала, что нехорошо иметь какие-то предпочтения.

— Эта моя внучка получилась лучше! Она более... более... она лучше всех! Что я должна делать, разве это моя вина?

Ещё среди женщин была Палома Галли Брума. Бразилианка, которая танцевала в пиано-барах столицы и создавала вид, что до сих пор продолжает танцевать, одеваясь даже в зимний период в длинные изысканные платья с кружевами на оборках, будто из тюли, что развевались ветром.

— Ты так одета, тебе не холодно? — говорила ей Лучия по-матерински.

Но Палома никогда не мёрзла, казалось, что она железная, такая сильная. Она была хорошей женщиной. Естественно, она красилась, ей нравилось одеваться провокационно, выставляя напоказ длинные стройные ноги. Такие длинные, что все в городке называли её Пало (*прим.переводчика — Пало (ит. palo) — в переводе означает столб, палка*), вместо Палома. Но мужчин у неё не было, чего-чего, а такого о ней нельзя сказать. Она была верна памяти своего мужа Джузеппе Брума, который смотрел на неё с фотографии, приколочённой к нише: худое лицо, немного впалое, словно лицо голодающего, кожа тёмная, волосы смазаны гелем, в одном ухе серёжка, что было не к месту. Он казался иностранцем, был угрюмым, злился на мир, непонятно из-за чего.

— А чем занимался твой муж? — спрашивали её остальные.

— Он делал свою работу, — каждый раз одно и то же отвечала Палома.

На кладбище вдовы называли её Таинственным полюсом. Но это любя, так как там все желали добра друг другу, чувствовали себя объединёнными чем-то особенным.

Еще была Кандида Торрибонди, молоденькая девушка, потерявшая жениха. Его звали Арнольдо Феррандино. Он хотел стать фотографом, но у

него не получилось. Тем временем Арнольдо арендовал фургон и развозил посылки по Италии. Всегда был в дороге и однажды ночью попал в аварию. Лобовое столкновение, он оказался зажат внутри. Они должны были пожениться в следующем году, уже были куплены мебель и люстры, те, с каплями кристаллов. Самого дома ещё не было, они намеревались его снять и уже договорились с семьёй Де Мео. Кандида всегда улыбалась, но было видно, что она думала и не могла понять, что произошло.

— У тебя ещё всё впереди, ты же молодая! Нет то, что мы, старые ведьмы, нам уже не за что цепляться! — Так говорили ей остальные. Они на самом деле считали, что Кандида не должна приходить на кладбище, хотя бы она должна прекратить.

— Но я прихожу просто, чтобы побыть с вами! — говорила Кандида, смеясь, но было ясно, что это не так. Она приходила туда, потому что не могла быть вдали от своего Арнальдо! «Мой Арнальдино» (*прим.переводчика — Суффикс -ино в итальянском языке означает уменьшение, ласковое обращение*) — иногда вырывалось у неё, когда она сидела на лавочке и смотрела в небо, думая, что никто её не слышит.

Иногда она приносила с собой карты, чтобы поиграть вместе. Ей, молодой, это очень нравилось. Они играли в «Разори соседа», в «Рамми 40» или в «Кончинку». Последнюю просто обожала Лучия Скатарла. Так проходили часы, пока не становилось слишком влажно или даже близилось время закрытия, и приходили могильщики, чтобы отправить их по домам.

На Рождество Эвандра принесла панеттоне (*прим.переводчика — Панеттоне — лёгкий сладкий итальянский пирог с засахаренными фруктами, выпекаемый на Рождество*) с шампанским.

— Просто, чтобы поднять тост всем вместе, — сказала она.

Эвандра была одержима Рождеством — она прицепила гирлянды вокруг ниши, поставила ароматическую свечу на землю и повесила на свою розу два шарика, венок и поздравительную открытку, при открытии которой играла *Jingle Bells*. Всё для своего Аурелио, чтобы и он хоть немного ощутил Рождество. Если бы она могла, то принесла презепе (*прим.переводчика — Презепе (ит. presepe — вертеп, ясли) — рождественская композиция, изображающая младенца Иисуса в яслях, Деву Марию и Св. Иосифа. В композициях могут присутствовать ещё и фигурки осликов, пастухов или быков. В домах Италии и других католических стран презепе устанавливают наряду с новогодней ёлкой*) с овцами. Деву Марию с младенцем она на самом деле принесла, так чтобы никто не видел. Пластиковая статуэтка искусно расписана, Эвандра поставила её возле мраморной ниши Аурелио таким образом, чтобы

Мадонна положительно на него воздействовала.

— С Рождеством Христовым, Ауре! — произнесла Эвандра тихим голосом, чтобы никто не услышал.

В то Рождество они вчетвером встретились на кладбище во второй половине дня, даже не договорившись об этом. Эвандра пришла с обеда от сестры и её семьи, на нём присутствовали около двадцати человек, потому что у Секондо было множество родственников. Когда уже подавали фрукты, ей удалось сбежать, чтобы успеть до закрытия кладбища, прихватив с собой половину панеттоне и бутылку. Пластиковые стаканчики уже были у неё в сумке. Она отрезала каждой из четырёх по кусочку. Немного они съели, выпив перед нишами, а немного раскрошили на клумбу. Таким способом они угощали своих усопших, делились с ними Рождеством.

Глава 7

Следующим вечером снова шёл дождь. Эвандра позвонила Розалене и задала тот самый вопрос:

— Как думаешь, что мне делать, когда идёт дождь?

Розалена, беззаботная и спокойная, как раз нарезала помидор для капрезе (*прим.переводчика — Лёгкая закуска, одна из разновидностей антипасто, включающая в себя помидоры, моццареллу, оливковое масло и базилик*). В тот вечер она не собиралась выходить, потому что её усатый коллега оставался дома с детьми. Он был женат, имел двух дочерей, но не ладил с женой. Обычная история. Розалена не знала, какими будут их отношения, но ничего не ожидала, так как понимала, что жёны в конце концов всегда побеждают. Она всё пустила на самотёк. Часто повторяла: «Река всегда течёт к морю». Это было её жизненным кредо. Вечер Розалена решила провести дома — поухаживать за геранями на балконе, немного посмотреть телевизор, а потом початиться с друзьями, пока не почувствует сонливость. Так, спокойно и небрежно, она ответила своей подруге-вдове, которая просила о помощи:

— Ты могла бы проводить время в Facebook!

Так Розалена и сказала. Ей пришло это спонтанно, от сердца. Она часто заходила на Facebook, ей нравилось, это расслабляло. Розалена нашла там старых друзей, одноклассников, познакомилась кое с кем новым и любила говорить: в Facebook можно каждый раз открывать себя заново, построить новую жизнь с каждым новым контактом. Именно это ей и нравилось — строить! Стать другим человеком, начать с нуля. Это как, кладя кирпич за кирпичом, возвести стены и перекрасить их в другой цвет.

Однажды она призналась, что любит море и хочет пойти на курсы подводного плавания, другой раз — что ей надоело в Италии и она думает поехать в Бразилию, в третий — что в детстве она страдала из-за плохого дяди и поэтому ей даже сейчас хочется плакать, а ещё писала, что рисует акварелью или что отлично ездит на коне или что записалась на курсы классического танца. Иногда это были правдивые вещи, иногда нет, как, например, история о плохом дяде: у неё таких никогда не было. Но плюс в том, что даже для неё самой не было ясно, где истина, а где ложь. Это была игра, но еще это была жизнь. Как будто события становились настоящими, только если написать о них в Facebook, они появлялись там впервые, рождались на волшебной доске и существовали.

Поэтому Розалена не переставала об этом думать и посоветовала Эвандре Facebook. Почему нет: поначалу они могли бы чатиться между собой. Вечером и даже днём, почему нет? В дождливый день, когда Эвандра не шла на кладбище. Тем более, что в компании по производству скатертей «Олд Стайл» выпадало свободное время, и она иногда заходила на Facebook, все так делали. Так её подруга могла бы почувствовать себя менее одинокой.

Вот почему в тот вечер, даже минимально не представив, что такого сумасшедшего могло бы из этого получиться (в конце концов, кто бы мог себе представить?), Розалена сказала своей подруге-вдове:

— Ты могла бы проводить время в Facebook!

— Facebook?

Так отреагировала Эвандра — вопросом. Ну, конечно! Как она не подумала? Эвандра ничего не знала о Facebook, у неё даже компьютера не было! «О Боже, забудь об этом!» — подумала Розалена. Но Эвандра, заинтересовавшись, настаивала:

— Что такое Facebook? Где его найти? Как туда попасть?

И заключительный вопрос:

— Ты мне не поможешь?

— Не помогу тебе с чем?

— Научиться пользоваться Facebook.

Конечно. Нормальное последствие её предложения. Если ты предлагаешь подруге пользоваться Facebook, а она не знает, как это делается, естественно, что она попросит тебя помочь. Вот только как Розалене выкроить на это время? И потом, нужно начинать с азов, так как Эвандра не знала даже как включить компьютер! Они подруги, разве могла Розалена отказаться? Нет, конечно.

— Ладно, — сказала Розалена, — можешь приходить ко мне после

ужина. — И добавила: — Может быть, не каждый вечер...

На следующий вечер ровно в девять часов Эвандра появилась в доме Розалены, но та ещё не поела.

— Ты поужинала?

— Я да, — ответила Эвандра.

— Тогда будь добра, подожди меня, потому что я ещё не ужинала и не собираюсь поститься из-за тебя, понятно?

— Я тебя поняла, нет проблем.

Эвандра стала смотреть, как Розалена ест. Наблюдала, как Розалена резала моцареллу, как из него брызгали мелкие капли при каждом разрезе, окрашивая белым помидоры.

— Знаешь, почему салат называется «Капрезе»? — с печалью в голосе спросила её Эвандра.

— Конечно, потому что так едят на острове Капри!

— На Капри, перед скалами...

Ой... Розалена знала, что они с Аурелио каждое лето на неделю отправлялись на Капри. Это был их отпуск. Она поспешила закончить с салатом, чтобы подруга больше не вспоминала.

— Давай посмотрим этот Facebook, пойдём!

В её комнате на письменном столе стоял открытый ноутбук. Она закрыла его, чтобы показать всё с самого начала, то есть с того, как открыть ноутбук.

— Ты точно всему-всему должна научиться? Нет ничего, что ты уже знаешь?

— Ничего.

Начинать с нуля было нелегко. Однако Розалена попыталась. Сперва рассказала, как включается и как выключается компьютер. Эвандра сидела с открытым ртом и смотрела на экран, который освещался и затемнялся, освещался и затемнялся.

— Ты околдована, правда? Я не сомневалась! — сказала ей Розалена. — Но сейчас будь внимательной, ты должна понять, где «щёлкать». Видишь эти значки? Ты выбираешь, берёшь мышку и нажимаешь кнопку, таким образом заходишь.

Эвандра смотрела не неё. Ни один из перечисленных глаголов ни о чём ей не говорил, Розалена заметила это и вынуждена была объяснить всё, начиная с «щёлкать».

Мышь оказалась самым сложным. Была целая проблема с координацией между указательным пальцем правой руки и стрелочкой, что должна попасть в точное место. Не говоря уже о двойном щелчке, который

нужно делать в определённом темпе. Если пауза между кликами слишком большая, двойной не получался, если же кликнуть быстро, тоже не срабатывало. Нужно было пробовать, упражняться. Чтобы освоить маневрирование мышью требуется как минимум неделя. Сейчас Эвандра была в состоянии включить компьютер и войти в Google.

— А Facebook?

— Немножко терпения, Эва! Ты ничего не знаешь, мы придём к нему постепенно.

Глава 8

Розалена была из хорошей семьи. Её мать в своё время работала учительницей начальных классов, а отец, лечащий врач, всю жизнь ездил по сёлам и помогал людям выздоравливать и прожить как можно дольше. Она воспитывалась, обласканная положительными эмоциями, и каждое лето проводила со скаутами на пляжах в окружении палаток, песен под гитару и костров. Поэтому она стала доброй и немного грубоватой, то есть не признавала никаких выкрутасов.

Ей сразу надоело давать Эвандре компьютерные уроки. Она устала объяснять простые вещи, которые у подруги не получались, на что требовалось время и нужно было всё начинать с начала. Но они были приятельницами, к тому же подруге не повезло остаться вдовой, а она придерживалась таких основ, как дружба, любовь к другим, солидарность между народами и мир во всём мире. Она держалась естественного пути. И решила проблему: попросила одного из своих коллег, не того, что с усами, а другого, о помощи, чтобы он, когда мог, занимался с Эвандрой.

А он мог. Его звали Джезуальдо Споссато (*прим.переводчика — Споссато (ит. Spossato) — в переводе означает измученный, узнурённый*). Ему было пятьдесят лет и он до сих пор жил с матерью, богатой восьмидесятилетней дамой, в прекрасной вилле девятнадцатого века недалеко от центральной площади. Он имел небольшие залысины. Был худым и высоким, как тополь. Все называли его Бальдо (*прим.переводчика — Монте Бальдо (Monte Baldo) — гора в Италии*), даже сеньор Бальдо, потому что он излучал благоговение, весь такой высокий элегантный, всегда в светло-сером костюме с синим галстуком.

«Немного деревянный», — подумала Эвандра, когда увидела его впервые. Это случилось у неё дома однажды вечером в четверть девятого, она как раз собиралась идти заниматься к Розалене. А та, конечно же, забыла предупредить, что начиная с того вечера будет отправлять к ней своего коллегу. Эвандра, не думая, открыла дверь и увидела его перед

собой: высокий мужчина с кожаной папкой под мышкой, который снимал шляпу, чтобы представиться.

— Я Джезуальдо Споссато, но можете называть меня Бальдо. Добрый вечер.

— Добрый вечер...

— Я здесь для занятий...

— Каких занятий?

— Занятий Facebook.

Эвандра не сразу поняла, в чём дело. Но когда позвонила Розалене, всё стало ясно. Она поблагодарила её и сказала, что не стоило. Но это позже.

— Смотрите, не стоило... — сказала она уже сеньору Бальдо.

— Если Вы так считаете... если я Вас побеспокоил... я могу уйти...

— Нет-нет, заходите... это просто... да неважно... — сказала Эвандра, не желая обидеть такого доброго человека.

— У Вас есть тапочки? — спросил он, перед тем как войти, потому что его мать натирала воском полы и боялась, что их поцарапают.

У Эвандры никогда не было тапочек для гостей. Она проводила его в гостиную и предложила выпить ликёра, но он сказал, что лучше сразу приступить к занятиям, так как время убегало.

На этих словах Эвандра представила проворных зайцев, бегающих в лугах, и эта мысль, непонятно почему, её развеселила.

Они пошли к столу. Сеньор Бальдо вынул свой ноутбук из папки, открыл его и спросил:

— У Вас есть соединение?

Эвандра поморщилась:

— Какое соединение?

— Не волнуйтесь, — ответил Бальдо, — у меня есть ключик.

Эвандра рассмеялась:

— Извините, какой ещё ключик?

И Бальдо объяснил ей, что ключик нужен для того, чтобы подключиться к интернету, когда находишься в таком месте, где нет беспроводного интернета. Эвандра увлечённо слушала, как он произносил незнакомые слова. Казалось странным, что такой мужчина внезапно оказался у неё дома, чтобы обучить её целому миру неизвестного и привлекательного.

В тот вечер сеньор Бальдо действительно научил её многому: как в общем пользоваться компьютером, например, как правильно управлять мышкой, чтобы попадать на нужную иконку. А также, как открывать Internet Explorer, переходить в Google, Facebook, выйти, создать файл,

назвать, сохранить его и отыскать, перейти к документам, нажать кнопку «Новая папка», ввести новое название и поместить в неё файл, повторно выключить компьютер, включить его заново, ещё раз нажать «Документы», вновь открыть папку, в которой сохранился файл, отыскать его, снова открыть, опять закрыть, повторно выйти и ещё раз выключить. Под конец Эвандра вымоталась и сказала ему:

— Я измучена.

— Хе-хе, и я тоже... — рассмеялся сеньор Бальдо, ведь, как уже говорилось, такой была его фамилия.

Глава 9

Эвандра купила себе ноутбук. Чтобы не использовать компьютер Розалены или Бальдо. «Если приобретать, то лучше ноутбук», — подумала она, — «так я смогу всюду брать его с собой».

Эвандра была в восторге от слова всюду, оно проникло ей в душу, даже при том, что не обозначало конкретного места. Повсюду — это на самом деле повсюду.

Приобретение было очень красивым. Чёрный. Блестящий. Когда на нём оставался отпечаток пальца, она сразу же вытирала краем кофты, подув на него.

Мне нравится, мне нравится, мне нравится...

Уникальное удовольствие: открывать его. На протяжении дня она часто так делала. Словно открывать коробку. Как сундук с золотыми монетами в пиратских фильмах. Или как госпожа открывает шкатулку с драгоценностями на комод. ТА-ДАМ! И перед тобой появляется сокровище. Или раскрывается раковина, а внутри — жемчужина. ТА-ДАМ! Одна часть — это клавиатура, а вторая, подвижная — включается, загорается, яркая, синяя, пульсирующая!

Вечером пришёл сеньор Бальдо, и вместе они проверили ноутбук. Он выбрал настройки, подсоединил другие устройства, установил приложения, которые, по его словам, были необходимы, и в конце поставил антивирус.

— Теперь мы защищены, — сказал он.

Эвандре очень понравилась идея быть защищённой. Этот высокий и лысеющий мужчина давал ей безопасность, хоть и ходил всё время в сером. Ей хотелось дать ему совет надеть что-то цветное, хотя бы рубашку, бирюзовую или цвета морской волны. Но у них были не такие отношения, чтобы говорить о цветных рубашках. Но, несмотря на это, всё шло неплохо. Между ними возникло своего рода соучастие. Не совсем дружба. Это была связь, которая не могла существовать напрямую: она проходила через

Facebook. Он был средством, входной дверью. Они общались только о том, как перемещаться в интернете. Каждый вечер Эвандра ждала сеньора Бальдо и в середине вечера готовила малиновый чай, его любимый. Он, в свою очередь, ежедневно ожидал вечера и всегда приходил немного раньше, не специально, только потому, что становился всё более нетерпеливым.

Однажды сеньор Бальдо пришёл в восемь, и естественно Эвандра спросила, из вежливости, не хочет ли он поужинать с ней. Это был очень застенчивый и неловкий ужин. Он не знал, стоит ли есть либо просто смотреть в тарелку, и при каждом, даже общем и нейтральном вопросе типа «Что ты думаешь о кризисе?» или «Тебе нравится футбол?», краснел. Эвандра замечала это, но не подавала вида, чтобы он не краснел ещё больше. А Бальдо не знал, что отвечать. Не знал, что думать, то есть, о чём лучше думать, чтобы не разонравиться ей. Поэтому — молчал. К тому же он не интересовался политикой. Его жизнь составляли работа и мать, которая сейчас очень волновалась из-за того, что он выходит каждый вечер.

Кроме того, у Бальдо Споссато имелись лирические оперы, в основном Пуччини (*прим.переводчика — Джакомо Пуччини — итальянский оперный композитор*). «Богема» (*прим.переводчика — "Богема" — опера в четырёх актах Джакомо Пуччини*). Он никогда не говорил об этом Эвандре, так как что общего у оперы с Facebook? Он приходил, чтобы обучить её Facebook и только. Ему не хотелось быть навязчивым и неуместным, говоря о себе и своих увлечениях.

Хотя его тайной мечтой было повести её однажды на «Богему». Казалось, ей бы понравилось. Эвандра была настолько одинокой, а её жизнь такой скудной. Музыка заполнила бы всё или, ещё лучше, он бы повёл её на оперу, и перед тем они, к примеру, прогулялись бы по проспекту, может, заказали бы по аперитиву в баре «Сан Польдо». Но не стоило спешить. Всему своё время, говорил он себе. И молчал. Был доволен, наблюдая за её энтузиазмом, наслаждался так, словно это в какой-то степени опера. В основном Бальдо смотрел на пальцы, как они бегали по клавиатуре. Как загорались глаза при каждом нажатии на новый значок, новый документ. Он был доволен, сидя рядом с ней, на соседнем стуле, изредка касаясь её руки, чтобы помочь отыскать нужную клавишу.

Глава 10

И однажды вечером они начали. Это Бальдо решил, что пришло время. Эвандра была вне себя от радости. И они открыли первое окно Facebook.

Появилась анкета, которую нужно было заполнить, курсор пульсировал

в первой строчке, ожидая последующих действий. Необходимо было указать личные данные: имя и фамилия, род деятельности, где проживаешь, где работаешь и работал, если учишься, то что изучаешь. Встречаешься с кем-то/помолвлен/женат/свободен... Хобби. Искусство, развлечения, любимая музыка, фильмы, книги, телевизионные программы, игры... Ещё добавить фотографии. Какую из них выбрать? Или добавить больше?

Это был так называемый профиль. Заходишь в Facebook, и ты должен создать свой профиль — своего рода портрет, мини-автобиография: кто ты, чем занимаешься, каким ты был, что бы ты хотел, каковы твои мечты, увлечения. Это не так просто: копаться в жизни, вылавливать вещи, которые утопают там, на дне, забытые, извлечённые. Частицы нас. Неприличные секреты. Невысказанные желания. То, кто мы есть или кем бы хотели быть? Факты или вымысел? И как далеко можно зайти, притворяясь? Допускается, например, даже имя выдумать. Собственное имя, которое мы имеем на протяжении всей жизни и которое мы не выбирали: оно нам нравится? Оно действительно наше, подходит нам? Или было бы лучше изменить его? Какое имя хотелось бы иметь?

Здесь всё возможно. Изменить имя, статус, личность, жизнь... Эвандра напечатала: Пёстрая Гвоздика. Это её никнейм. Её псевдоним. То, что как казалось, наилучшим образом представляло её. Гвоздика — скромный и неприязнательный цветок, незначительный, недорогой. Но пёстрая: окрашена разными оттенками, растерянная, не единая, многогранная, не ясная, весёлая, красочная... Путаница.

Потом она добралась до пункта «Увлечения».

— Туда можно поместить всё, что вам нравится. Всё, что бы вы хотели, чтобы другие знали, что вам нравится, — объяснил Бальдо.

— Это мы сделаем завтра, если вы не против, — сказала ему Эвандра. Она устала и голова раскалывалась. Трудно сказать, что тебе нравится, нужно было подумать об этом.

Но следующий вечер они посвятили исключительно фотографиям, и ей было очень сложно определиться с выбором. Перед этим Бальдо переместил фото с цифровой камеры на компьютер и создал архив.

— Теперь все Ваши фотографии доступны, — сказал он и добавил: — Можете выбрать, нажимайте и перемещаете.

Это оказалось сложным. На каждой фотографии ты кажешься иным человеком. Эвандра поняла, что достаточно важно включить голову и решить, кем ты хочешь быть, какую свою фотографию представить миру. Эвандра заручилась помощью Бальдо. Вместе выбрали летнее фото, когда они с подружкой ходили в горы. Половина бюста, Эвандра прислонена к

деревянными перилами на фоне гор, а на заднем плане были видны коровы на пастбище. Бальдо эта фотография нравилась из-за коров, по его словам, их вид придавал спокойствие. А ей нравилась потому, что солнце полностью освещало лицо, и невозможно было определить, улыбалась она или нет, точно так же, как она чувствовала себя в то время: немного да и немного нет.

Но конец был ещё далеко. Бальдо объяснил её, что нужно ещё заполнить доску объявлений.

— Доска объявлений?

Эвандра ничего не знала о досках объявлений. Доска объявлений — это место, где выставляются вещи, которые ты хочешь показать: фотографии, фразы, фильмы, рекламные объявления...

— Как школьная доска объявлений? — спросила она у Бальдо.

— Почти.

Для Эвандры было странным, однако, что такой элегантный и уже не молодой мужчина так хорошо ориентируется в современном Facebook. Ей это казалось тайной. Тем не менее, “dfylhf” выбрала немного фотографий для доски объявлений, почти все из детства. На одной она запечатлена на трёхколёсном велосипеде, на другой — резвиться на лугу, ещё на одной — на море со спасательным кругом на талии, который падал в воду. Те фото давали представление, что она спортивная, активная, полна желания действовать; она не уверена, что была такой на самом деле, но ей нравилось, что другие так подумают. Ни единой фотографии, когда была замужем. Она ещё не решила, что написать: вдова или свободна. И не знала, стоило ли спрашивать у Бальдо, как лучше: Эвандра боялась, что он подумает, если она напишет свободна. Есть решения, которые мы должны принимать в одиночку.

Ещё следующим вечером они должны были заполнить ячейку «Деятельность». Эвандра колебалась, а Бальдо говорил ей: это легко, достаточно сказать, чем ты занимаешься, как проводишь время. Вот это как раз и не было лёгким: Эвандра могла сказать, что проводила время на кладбище? Однажды вечером Эвандра осознала, что ничего не делала в жизни, никакой деятельности. На неё нахлынула смесь печали и раздражения, её смущало присутствие Бальдо, что он здесь делал? Он действительно помогал ей? Необходимо было поразмышлять о своей деятельности. И она должна была сделать это одна.

Но ей не хотелось быть грубой. Так что Эвандра сказала, что в тот вечер очень устала, выключила компьютер и предложила ему: «Как насчёт того, что мы немного отдохнём?» Бальдо покраснел, был почти счастлив от

такого нового предложения, но он не осмелился быть счастливым. На самом деле, это не был подходящий случай: Эвандра, как обычно, заварила для него малиновый чай, поставила диск Дебюсси (*прим.переводчика — Ашиль Клод Дебюсси — французский композитор. Ведущий представитель музыкального импрессионизма*), и, слушая музыку более-менее в тишине, они медленно попивали чай, потом она сказала, что собирается ложиться спать, и он попрощался. Вот и всё.

Когда Бальдо ушёл, Эвандра вернулась к компьютеру, открыла его и начала думать, чем заполнить те маленькие ячейки. «Где работаешь» и «Где работал». В итоге она написала: начинающий типограф. Ей это наполовину казалось правдой, так что подходило. Ещё добавила, что изучала право в Оксфорде, но так и не окончила его. Это было не так, она изучала языки в соседнем городе, в тридцати километрах от дома. Но в Оксфорде она была в двадцать лет с родителями, это была отличная поездка. И английский она знала, поскольку он был одним из трёх языков, которые она изучала. Что касается права, да, был риск, что подумают, будто она знает всё о различных кодексах и законах. Но она поосторожничала, не уточнив, сколько лет проучилась, если что, сказала бы, что она окончила всего один семестр. А что можно выучить за шесть месяцев в университете? Короче говоря, она могла совершенно ничего не знать в области права.

Зато заполнить «Увлечения» оказалось проще. Какая бы жизнь у тебя не была, даже в отсутствие деятельности, какое-то увлечение всё равно найдется! Тем не менее, это заняло достаточно времени. Эвандра не хотела писать, что попало, целых два дня она обдумывала, чем увлекается в жизни. Взяла листок и, когда постепенно ей что-то приходило на ум, делала заметки. Она добавляла, вычёркивала, снова записывала. В итоге у неё получился довольно удовлетворительный список, который и перенесся в Facebook.

Увлечения:

Итало Кальвино (*прим.переводчика — Итало Кальвино — итальянский писатель, публицист и журналист*), пилатес, клёцки по-римски, индийские бусы, кроссворды, мужские полосатые рубашки, запах моря, чёрные кошки, взбираться на горы, вечерние телепередачи, особенно «Дон Маттео», а также «Команда» (*прим.переводчика — «Дон Маттео» и «Команда» — телесериалы*), антикварная мебель, картофель фри без кетчупа, грустные стихи, простыни в цветочек, гвоздики, пирожные с кремом и Капри.

— Вот сейчас увидишь, — объяснила ей Розалена по телефону, — все будут предлагать тебе дружбу.

— Дружбу? Что значит предлагать мне дружбу?

— Значит, что появится надпись, типа Тицио или Каио (*прим.переводчика — Тицио и Каио (полная фраза Тицио, Каио и Семпронио) — имена трёх гипотетических лиц, используемых в итальянском языке для обозначения любого лица, взятого в качестве примера. Аналогом в русском языке является фраза — Иванов, Петров, Сидоров*) предлагают тебе дружбу, и ты можешь принять предложение либо же нет.

— Бедняжки!

— Почему бедняжки?

— Подумай, как им будет плохо, если я отклоню предложение!

— Но им не будет ни плохо, ни хорошо, в этом суть Facebook, это нормально.

— Это будет нормой, но это отстой. Извини, но если я скажу, что мы больше не подруги, как тебе будет?

— Да, Эвандра, но мы не в парке, где играем в выбивного, очнись, мы взрослые люди!

— Именно. Я не думаю, что...

— Поверь, что так и есть. Ты отвечаешь «да» или «нет», и не думай.

Вместо этого Эвандра задумалась на длительное время. И решила принимать предложения ото всех, потому что ни к чему отказывать в дружбе людям, которые тебе её предлагают, так не делается.

Ещё она решила написать «свободная». Она считала, что написав «вдова», никто не предложит ей дружить. А вдова означает свободная, так она подумала.

И завершила со своей анкетой.

Глава 11

На следующий день Эвандра проснулась взволнованная. Было темно, часы показывали пятнадцать минут седьмого. Она попыталась сохранять спокойствие и ещё немного поспать, так как времени имелось сколько угодно. Но не тут то было. Когда человек просыпается с мыслью, которая сверлит ему мозг, то уже не до сна. Через десять минут Эвандра решила встать. Сделала себе обычный кофе, подняла жалюзи, посмотрела на небо, что грозило дождём, и не могла не подумать: «Слава Богу, останусь дома и с удовольствием проведу день в Facebook».

Она ещё немного повременила, чтобы не быть той, кто, едва проснувшись, спешит посмотреть? не написал ли ей кто-нибудь. Отправилась в ванную, приняла душ, нанесла крем на тело, феном высушила волосы, как смогла, вытянула их, чтобы они были прямыми и

гладкими. Приготовила себе миску кукурузных хлопьев с обезжиренным молоком, вновь посмотрела на небо, которое становилось всё мрачнее, и принялась наводить порядок в обувной тумбочке.

Эвандра делала это два или три раза в год, не более, потому что такое занятие отнимало бесконечное количество времени и ей оно не нравилось. В то утро она решила, что это замечательный способ заставить себя подождать, а также способ наказать себя, в некотором смысле, за чрезмерную нетерпеливость: упорядочить десятки пар обуви заняло бы около часа страданий. Самодостаточность плюс мазохизм, отлично!

По окончании она заслужила посмотреть Facebook.

Медленно подошла к ноутбуку. Подсоединила его к розетке. Открыла. Включила. Подождала, пока зажжётся экран и на нём появятся привычные значки. Вошла в Internet Explorer, просмотрела приветственное видео от Google и, увидев пульсирующий курсор, написала *Facebook*.

Он открылся перед ней и... чудо! Четырнадцать человек предлагали ей дружить. Четырнадцать! Но как такое возможно?

Эвандра начала смотреть. Десять из них были бывшими одноклассниками и одногруппниками. Как они узнали, что она зарегистрировалась в Facebook? Они наблюдали за ней? Привет, добро пожаловать и тебе в клуб! Это загадка.

Плюс ещё четыре человека: дочка продавщицы овощей возле дома, некая Саманта, с которой они виделись несколько раз и никогда в жизни не разговаривали.

«Чудно, — подумала Эвандра, — если она хотела поговорить со мной, почему не делала этого, когда я заходила к ним в магазин?»

Вторым был Коваль — полный и сварливый мужчина, к которому она иногда заходила за гвоздями и отвёртками. Она бы никогда не подумала, что он тоже есть в Facebook.

Ещё, естественно, Розалена.

И одно незнакомое лицо.

Глава 12

В тот день Эвандра не стала продолжать. Она была слишком взволнована. К тому же было солнечно, и она, как всегда, отправилась на кладбище. Но никому не рассказала о Facebook, даже Аурелио: это было ещё слишком свежим, слишком личным, до сих пор неизведанным, она не знала, как о нём рассказывать и что говорить. Ей самой нужно было понять. А ещё Аурелио, может быть, как бы не так воспринял, чувствовал бы себя в какой-то степени преданным, кто знает.

Эвандра была в нетерпении. Побыла немного на кладбище, всего лишь поменяла воду цветам и, спеша, попрощалась. Прибежала домой. Подключилась. Обнаружила семь новых контактов. Семь! Что суммарно составляло двадцать один. Вот, посмотрите, Джульельмо Гроссо! Тот, кто в детстве вечно ходил грязнулей! А здесь — Эмилия Фаваро, она бывала довольной, только заполучив новое колье. Это было ещё в средних классах. Она приходила в колготках, чтобы показать, что старше, и все мальчишки гуськом ходили за ней.

И Калоджеро Мистрале.

И Розалина Беа.

И Роберто Манкалези.

И Анна Франка Става.

И Розарио Пискерио.

И Джанкарло Де Кастрис...

Ты только взгляни! Эвандра смотрела на имена, на фотографии. Люди, которых она не видела много лет, ничего не знала об их существовании, а сейчас они все там, в её доме с улыбками на лицах спрашивают у неё: как ты, где ты, что делаешь...

Был ещё один незнакомец. Другой. Теперь уже их двое. Двое незнакомцев предлагали ей дружить. Это её волновало. Как такое возможно? Трое незнакомых, четверо. Они умножаются.

Один из них был подписан Орсо Бруно (*прим.переводчика — Orso Bruno — в переводе с ит. означает бурый (bruno) медведь (orso)*). Только имя, никаких фото либо личной информации. Только запрос на дружбу, настойчивый, навязчивый. Каждый день, постоянно. А она, прежде решив принимать предложения ото всех, потому что говорила, что в дружбе не стоит отказывать, ему, с таким подозрительным и настораживающим именем, отказала. Она читала: «Орсо Бруно предлагает тебе дружить». И нажимала «Отклонить».

Ах, если бы Эвандра знала, кто такой этот Орсо Бруно! Как ей хотелось понять, кто он. И если бы Орсо Бруно перестал прикрываться выдуманном именем, всё могло бы быть по-другому, кто знает. Но бесполезно играть в «Если бы». Если, если, если... Всё идёт, как должно идти. И иногда получается, что с по-настоящему мягкими и безобидными людьми, с теми, кто мог бы помочь нам жить лучше, мы позволяем себе быть грубыми, резкими, неблагоприятными: возводим стену и переходим на другую сторону, сопротивляемся и неоспоримо отказываемся, таким

образом, возможно, мешая себе обрести счастье, стоит лишь протянуть руку, но вместо этого мы проходим мимо, как слепые нищие, тщетно продолжая поиски в другом месте, в неверных местах, жалуясь на то, как несправедлива, неблагодарна и враждебна наша судьба.

Дело в том, что Эвандра была поражена той неизвестной ранее новизной, тем странным миром внутри компьютера. Она хотела сделать паузу в познании его. Это было чересчур для неё, целая вселенная вторглась в её жизнь. Начала с простых вещей: ответила подруге Розалене. Даже там с ней Эвандра чувствовала себя дома. Она набрала: «Эй, Розале, приветствую тебя!» И сразу же пришёл ответ. Она открыла его. Прочла:

«Добро пожаловать в мир Facebook! Как ты?»

«Я в порядке, а ты?»

«Я работаю».

«Но ты отвечаешь...»

«Я делаю и то, и другое».

«Ладно, пока, не хочу тратить твоё время».

«Не беспокойся! Пока».

Это прекрасно, захватывающе, волнующе. Говорить... не говоря! Пишешь и знаешь, что другой сейчас читает и отвечает, и ты тоже читаешь и сразу же отвечаешь. Всё происходило мгновенно. Сразу, здесь и сейчас. В настоящем времени. Сразу чувствуешь себя лучше... на связи, но без проводов. Ты больше не одинок. Кажется, что ты — проводная станция, от которой разветвляются бесконечные провода, что связывают вас с остальными. Мир внезапно показался Эвандре гигантской сетью, набором тысяч, миллионов верёвок и шнуров, которые переплетались... Сеть, в самом деле! Вот почему так называется...

Эвандра нашла многих одноклассников. Даже тех, которых уже позабыла, и тех, с кем училась вместе всего несколько месяцев.

А потом и свою дочь! Теперь, когда у неё был Facebook. Эвандра много говорила с дочерью. Наконец-то, ведь по телефону ей никак не удавалось заставить её... она писала:

«Как дела? Знаешь, как мне тебя не хватает? Ты хорошо спишь? Хорошо питаешься? Кто тебе готовит? Не хотела бы приехать на пару дней, я испеку клубничный пирог? Давай, я жду тебя...»

Фразы, которые никогда не говорились вживую. «Я прикупила себе шёлковую юбку, увидишь, какая красота!», — говорила ей мать. Дочь также немного рассказывала о своей жизни, что побывала в новом трактире,

иногда каталась на мотоцикле с неким Луиджи.

«А кто он? Чем занимается? Он любит тебя?»

«Ну ма, прекрати! Мы просто друзья».

Вот так спокойно всё и началось. Тихое вхождение в Facebook.

Конечно, иногда не всё шло так спокойно. Были люди, которые писали глупости и хотели, чтобы она впустую тратила на них время. Например, ей писали:

«Дорогая пёстрая гвоздика, ты пёстрая или... невоспитанная???!»
(*прим.переводчика — В оригинальном тексте эти слова похожи в написании — *screziato* (пёстрый) и *screanzato* (невоспитанный)*).

Другой писал:

«Добро пожаловать, гвоздика! Как насчёт того, чтобы прогуляться?.. Я хочу быть твоим маком... Не знаю, понимаешь ли ты меня?»

Не стоило отвечать. Достаточно удалить контакт. Удалить из друзей.

По началу Эвандра не беспокоилась: всё казалось под контролем. За исключением того Орсо Бруно, который немного её расстраивал, но достаточно было отказать ему. Но со временем, когда каждый день на неё обрушивалась лавина людей, предлагавших дружить, десятки фото мелькали на экране, а она даже не знала, кто они, откуда пришли и что здесь делают, в её доме, начала немного беспокоиться. Целая армия незнакомых. Вызванная кем? И как, и почему? Всё умножалось. Запутывалось. Сеть начала казаться ей огромным замысловатым космическим шаром, накопившим множество всего. Она больше не контролировала ситуацию. Всё взбилось, как сливки, гора, комок сетей, огромная стена мусора, муравейник.

— Розалена, это самый настоящий муравейник! — заявила Эвандра, но не в Facebook, а по телефону.

Розалена рассмеялась и как можно лучше объяснила ей, что это нормально:

— Ты регистрируешься, люди, которые тебя знают, видят это, предлагают дружить, ты соглашаешься, таким образом попадаешь к ним в ленту, их друзья видят тебя, и их друзья тоже и так далее. Это нормально, количество твоих друзей неконтролируемо увеличивается. Но, в конце концов, зачем контролировать? В чем проблема, Эва?

— Проблема в том, что я больше ничего не понимаю...

— Ты познаешь мир, Эва! Смелее, наконец ты перестала быть монашкой — дом, церковь и кладбище! Мир, Эва. Понимаешь меня?

Глава 13

Та осень ничем не отличалась от предыдущих: иногда дождило, а иногда было солнечно. Но Эвандра решила извечную проблему: в хорошую погоду она ходила на кладбище к своему Аурелио, а в дождь оставалась дома и сидела в Facebook.

Это было удовольствием. Прийти домой и первым делом открыть ноутбук и подключиться. Даже не снимая обувь. Даже не сходя в туалет и не помыв руки. Facebook был на первом месте, Эвандра хотела оставаться на связи с друзьями. Их количество увеличивалось изо дня в день, и она не понимала, как такое возможно. Они росли, как грибы. Предположим, что вечером она отключалась, и у неё было 376 друзей, а наутро, войдя, обнаруживала уже 391. Невероятно.

Она начала каким-то странным образом чувствовать себя всё более... желанной. Востребованной. Ещё более красивой в некотором смысле. Вкуснее. Приспособленной к миру. С другой стороны, была чистая логика: если количество друзей увеличивалось, если каждый день кто-то чувствовал необходимость предложить ей дружбу, именно ей, значит у неё были какие-то ценности и достоинства. Или нет?

Но Эвандра не сидела весь день перед экраном. Она научилась заниматься другими делами, в то время как Facebook был включён, вести свою нормальную жизнь, делать обычные вещи. Только теперь был Facebook, и всё было по-другому само по себе. Это было живое существо, пульсирующее.

Важно было держать его включённым, лучше всего в центре дома, так, чтобы она в любой части дома могла его услышать. Она подметала на балконе, замешивала тесто на лапшу, готовила соус, поливала растения, вытирала пыль с фигурок Swarovski, читала газету, смотрела «Наследие» с Карло Конти, «Дон Маттео» и «Команду». Не имело значение что именно — едва Эвандра слышала тот волшебный, слегка металлический звук, который объявлял о контакте, тут же бежала посмотреть. Теперь у неё был отличный слух, она могла определить этот звук даже слушая радио, даже когда по улице проезжали пожарники с воющей сиреной. Она подбегала и смотрела на мигающий зелёный шарик в правом нижнем углу. Чудесный зелёный шарик! Она бы его обняла, настолько была счастлива обнаружить, он оповещал о каком-то контакте, о каком-то счастье! Эвандра нажимала на него и появлялась маленькая фотография того или той, что искали её. Кого-

то, кто мигал для неё, хотел её... Это мечта!

Теперь Эвандра рассказывала об этом Аурелио в солнечные дни. Она садилась на привычную скамейку и говорила ему:

— Если бы ты знал, Ауре! Твоя Эвандра удивительна! Тебе бы тоже очень понравилось, Ауре! Мы зайдём вместе в Facebook, ты должен увидеть — все говорят, общаются с тобой, дружишь со всеми, понимаешь?

В тайне она всегда надеялась на дождь.

И постепенно она начала реже ходить на кладбище, независимо от дождя. Немного реже. К примеру, пропускала один день, и даже в солнечную погоду оставалась дома. Конечно, Эвандра чувствовала непропорциональное чувство вины, оставаясь дома, когда не было дождя, ей приходилось прилагать огромные усилия и внушать себе, что это обязанность. У неё развилось чувство долга, обращённое к... Facebook! Казалось, она должна ему что-то, и «он» требовал от неё обширных обязательств, почти стопроцентных. На самом деле Facebook был чем-то вроде работы, и она не могла его оставить! Он предоставлял ей много дел, она не могла игнорировать и не отвечать на сообщения, думала о тех людях, которые искали контакта с ней, и не могла их разочаровывать. Просто не могла, она бы объяснила всё Аурелио.

Больше всего ей нравилась возможность поделиться. Щёлкнуть на «Поделиться» или «Мне нравится». Было интересно находить у других записи, которые ей нравились, и внезапно волшебным образом они оказывались на её стене, дополняя профиль. Чем больше она добавляла, тем казалась лучше, богаче и, следовательно, более увлекательной, ведь её репосты такие интересные.

Это чудо, когда ты видишь что-то, что нравится другим, нравится и тебе тоже, хотя ты даже не подозреваешь об этом. Например, некий Кристофоро Марекоре отметил «Мне нравится» на записи:

Мне нравятся оловянные мышки, которые заводятся ключиком.

В этом и магия: Эвандра никогда не думала, что ей могут нравиться оловянные мышки, но увидев эту запись у другого человека, поняла, что ей тоже они нравятся. Конечно, оловянные мышки! А ко всему, что заводится ключиком, у неё настоящая страсть. Как она могла не думать об этом прежде? «Facebook открывает перед тобой вселенную», — говорила она всем, впечатлённая новыми достоинствами, которые познавала с энтузиазмом и любопытством. Она казалась себе древним исследователем, изучавшим тогда ещё неизвестный мир.

«Facebook включит твою голову», — объясняла она всем. Включая соучредителя Марио, практичного и конкретного мужчину, который, слушая этот бред, смотрел на неё с недоумением и немедленно возвращался к работе. В типографии должен быть кто-то здравомыслящий, и слава богу, что он был без всяких бзиков. С его точки зрения эта увлечённость Facebook была ничем иным, как бзиком, глупым и пошлым бзиком.

Глава 14

Бальдо продолжал приходить каждый вечер приблизительно к девяти часам. Если бы зависело от него, он бы являлся пораньше и даже два-три раза в день. Для этого долговязого и одинокого мужчины вечерний визит к Эвандре превратился в главное событие дня, в смысл жизни. Он бы никогда и никому в этом не признался, даже себе, тем более себе, потому что мужчины не любят говорить о чувствах, они предпочитают просто жить.

Дело в том, что Эвандра не знала, что делать с Бальдо. Она уже всему научилась, узнала всё о Facebook и больше не нуждалась в его помощи. Наоборот, неожиданно и прискорбно Бальдо стал причинять неудобства. Беспольный, лишний, ещё и навязчивый из-за своего бессознательного и осторожного вторжения. Это уже было скудное, ненужное вмешательство. Эвандра хотела путешествовать по просторам интернета самостоятельно, свободно покорять новую и разнообразную вселенную Facebook, пить её неисчерпаемое богатство, восхищаться её интригующей лестью, позволить себе быть лёгкой и мечтательной, как поплавков в воде. В общем, она желала чатиться столько ей угодно и когда, и особенно с теми, с кем хотела, не прислушиваясь ни к кому и не делясь с другими, в данном случае, злоумышленниками, своими удивительными переписками.

Волнительные мечтания! Свобода перемещаться! Счастье быть самим собой и найти другого! Так она говорила окружающим, например, троим знакомым на кладбище, которые удивлённо слушали её. Из них только Кандида чатилась, и то немного, потому что печатать на клавиатуре её нервировало, она предпочитала болтать с подругами по телефону. А Лучия вообще ничего не понимала:

— Но чем ты занимаешься, моя Пупелла? (*прим. переводчика — Имеется в виду киноактриса Пупелла Маджио*)

Бедная Лучия была раздосадована, так как ей очень нравилось играть в карты, но Эвандра больше не присоединялась. А втроём играть невозможно.

Однажды вечером Эвандра нашла в себе мужество и объяснилась с

Бальдо. Ей было жаль говорить ему так откровенно, зная, что правда ранит, а особенно такого щедушного и мягкого мужчину. Меньше всего она хотела причинять ему боль, но в то же время так не могло дальше продолжаться: он сидит рядом каждый вечер, пока она чатится. Под его взглядом её мысли затормаживались, пальцы застывали на клавишах, и, в конце концов, она не знала, что отвечать своим друзьям, количество которых продолжало расти, как на дрожжах. Бальдо отнимал у неё беззаботное счастье пользоваться Facebook, необходимо было как-то дать ему это понять. Так что в тот вечер, приготовив, как обычно, малиновый чай, она села рядом, посмотрела ему в глаза и сказала:

— Спасибо за всё, сеньор Бальдо! Поверьте, вы действительно мне очень помогли. Конечно, я отняла так много вашего времени, но сейчас, слава богу, я могу обходиться сама. На самом деле, сеньор Бальдо, я не хочу больше воровать ваше время... все эти вечера вы потратили впустую, теперь я...

— Но сеньора Эвандра, что вы говорите, потратили впустую... Вы не знаете, что это было для меня!..

Он чуть не выболтал самую сокровенную тайну своего сердца, он собирался сказать ей: «Вы не знаете, что это было для меня — приходиться к вам этими вечерами, вы не знаете, как я возвращался домой с сердцем, переполненным страстью и желанием, вы не знаете, какую жизнь, какие мечты, какие...» Но Бальдо сдержался, не проговорился. В последующие месяцы он много раз спрашивал себя, не лучше ли было поговорить в тот вечер напрямую и искренне выразить свои чувства. Сомнения заставляли его страдать, и он пытался об этом не думать. Видимо, всё так произошло, потому что он всегда соглашался, а было бы гораздо лучше поговорить и, возможно, избежать всей этой трагедии.

Но он не признался ни в тот вечер, ни после. Попросту стал необычайно грустным и не пытался это скрывать. Эвандра, увидев его таким бледным, испугалась, что он умрёт, и сделала ему, возможно, только из жалости простое предложение. Она задала главный вопрос, который намеревалась спросить в течение нескольких месяцев:

— Извините меня, сеньор Бальдо, не могли бы мы найти друг друга на Facebook? Будем переписываться, связываться... Было бы замечательно, правда? Не говорите мне, что вас нет на Facebook!

Она часто думала о загадках такого рода: но как? Бальдо научил меня пользоваться Facebook, он знает все самые удивительные секреты и приёмы, но до сих пор не дал мне свои координаты. Это возможно? Предположим, что он не заходит на сайт. Хотя это маловероятно. Тогда

почему до сих пор не предложил мне дружбу? Почему не пишет мне?

Этому не было логического объяснения. В тот вечер Бальдо несколько смутился, перед тем как ответить:

— Скажем, я был на Facebook. Но сейчас нет, я больше туда не захожу...

Так загадочно ответил Бальдо. Эвандре хотелось узнать побольше, например, почему он прекратил, по какой причине убедил себя оставить занятие, что поднимает настроение. Но она не стала вмешиваться в его личную жизнь, о которой он так неохотно говорил. У него имелись свои причины, сказала она себе. И он решил отказаться.

Эвандра с волнением и благодарностью попрощалась с сеньором Бальдо, приглашая его иногда заходить в гости. Бальдо вернулся домой подавленный, с бременем громоздких невысказанных и невыраженных чувств, которые присутствовали в его жизни. Осознавая всю грусть окончания и того, что освещавшие его существование вечера стали лишь горьким и мучительным воспоминанием.

Глава 15

У сеньоры Нунции Пассалакуа Споссато был единственный сын, которого, спустя восемь месяцев ожидания с того дня, как поняла, что беременна, она назвала Джезуальдо.

— Он был таким долгожданным, — говорила она, используя именно эти слова, — так как ждала его более двенадцати лет. — Такие и пошли разговоры, даже сейчас, когда сыну было пятьдесят пять лет. — Я ждала, а его всё не было... — Она обвиняла мужа, инженера Каллисто Споссато. Часто во время близости говорила ему: — Ты медленный, медленный, медленный... — Что именно имелось в виду, не было ясно даже ей самой, но, по её мнению, идея медлительности мужа отлично сочеталась с их трудностями зачать ребёнка.

— Забудем? — предлагал ей Каллисто Споссато, который был скорее не медленным, а спокойным мужчиной. Тихим и конкретным, довольным своими работой и красивым домом восемнадцатого века, который он унаследовал от отца, графа Эванджелио Пассалакуа ди Тарси.

Прождав его так долго, сеньора Нунция называла его Джезу (*прим. переводчика — Иисус*) — такой собственнической была её любовь.

— Ох, как же тебя любит мама! Как же сильно тебя любит! — всегда говорила она ему, даже взрослому.

Тот факт, что Джезуальдо, называемый матерью Джезу, а остальными Бальдо, не был никогда женат, никак не связан с материнским

собственничеством, но люди в городке любили намекать и все читатели этой истории, безусловно, подумают по-другому. А это далеко не так! Мать много раз пыталась подтолкнуть его к браку. Например, она хотела, чтобы он увлёкся Марией-Антонией Фулкро деи Патрасси, старшей дочерью древней и благородной семьи. С раннего возраста она ласково вынуждала его ходить с ней на дни рождения, куда наряжала сына прекрасным сказочным принцем или магом Мерлином или херувимским ангелом. Даже специально покупала костюмы. Но мальчик был угрюмым. Непокорным.

— Непокорный — это мой сын! — жаловалась она подругам, подчёркивая его резкий характер.

На самом деле он был застенчивым и замкнутым ребёнком, который плохо переносил праздники, дни рождения, костюмы принца, формальные визиты к бабушкам и дедушкам, приветствия подруг матери, в общем, говоря несколькими словами, ему не нравилось притворство. Он был искренним и задумчивым. Ему бы подошло изучать философию, если бы не мать, которая желала, чтобы он был местным помещиком, центром светской жизни.

Но дети не всегда становятся такими, какими их хотят видеть родители. Вот почему на них часто оказывают давление.

Бедный Джезуальдо был в некотором смысле сбит со своего пути и был вынужден продолжить в другом направлении. Выучился на делового консультанта и устроился на работу, получая отличную зарплату. А с девушками он пришёл вот к какому выводу: чем она привлекательнее, тем дальше от неё следует держаться.

И он избегал их, потому что у него было всего две возможности и обе казались непрактичными: или подчиниться и встречаться с девушками, которые нравились матери, либо втайне встречаться с теми, которые нравились лично ему, хорошо зная, что так он пренебрежёт доверием матери и подвергнет себя невыносимым душевным страданиям. Однако был и третий путь, что ему казался чересчур труднодостижимым и поэтому он на него никогда не рассчитывал, хотя и не переставал хранить в сердце тайну и надежду: рано или поздно встретить женщину, которая понравится одновременно и ему, и матери. Так он и жил, упорно надеясь, но, несмотря ни на что, не страдал от серьезных психических заболеваний, никогда даже не думал об алкоголе, наркотиках или самоубийстве, то есть ни об одном непоправимом радикальном решении.

Именно поэтому, не желая признавать причинно-следственные связи между своим внутренним самоощущением и тем, каким его сделала мать, Джезуальдо Споссато до сих пор не смог сказать Эвандре всё то, что хотел

бы. Но он продолжал видеться с ней, помогая с Facebook, потому что даже при таких обстоятельствах видеться с ней было лучше, чем не видеться вообще. Только сейчас появился страх застрять. Да, поступая так, он застрял. Словно попал в пещеру и не мог из неё выбраться. Он чувствовал себя заключённым, закрытым навсегда без возможности выйти.

Его пещера была такова: на самом деле он ненавидел Facebook. Он хотел бы признаться Эвандре, что лучше видеться вживую, встречаться, иметь возможность прикоснуться к её руке вечером в ресторане. Но не признавался. И вместо того, чтобы быть с ней, он превратился в преподавателя Facebook. Какая трагедия! Правда, некоторое время он пользовался им, но только по работе, потому что в бухгалтерском офисе фирмы скатертей его практически вынудили.

— Всё гораздо проще, если мы используем Facebook, — сказали ему, — Мы должны иметь непосредственный контакт с клиентами, чтобы чувствовать, что мы их друзья.

Красивые истории! Небылицы, большие, как воздушные шары. Но люди на это покупались. Но какие ещё друзья? Я просто хочу продать тебе скатерть и впариваю её, а ты ведёшься! Но вскоре, к счастью, дела перешли к финансовому сектору, и ему больше не нужно было общаться с клиентами. Но он стал экспертом по Facebook, это да. Коллега Розалена правильно сделала, попросив именно его помочь своей подруге Эвандре. И он, конечно же, согласился из-за своей доброты и от скуки, потому что это было лучше, чем проводить вечера дома с мамой. Он не мог себе представить, что с ним может произойти, какая тоненькая проволока, какое болезненное заболевание, какое заражение неизлечимо привяжет его к ней.

А теперь, как выбраться из этой пещеры?

Глава 16

Приближалась весна, об этом говорило всё, даже воздух: светло-зелёные, почти прозрачные листочки, небо переливалось, на нём летали птицы, потеплело (*прим.переводчика — В Италии официальным началом весны считается 21-ое марта*). Эвандра наконец почувствовала себя свободной — сеньор Бальдо больше не приходил по вечерам и, когда в дождь она не была на кладбище, то с удовольствием проводила время в Facebook. И по счастливой случайности той весной дождело часто, очень часто. Шла мелкая лёгкая изморось, как занавески на стёклах, но постоянная и раздражающая, так что не было желания выходить из дома.

На самом деле Эвандра оставалась дома счастливая, как бабочка в коконе, которая ещё не освободилась, но уже предчувствует это.

Да, Эвандра впервые думала о будущем. Думала о том, что будет. Она хотела завтрашнего дня. Скажем, всеми силами требовала его у судьбы. И так как судьбе всегда нужно немного помогать для большего эффекта воплощения своих желаний, она начала задумываться над тем, чтобы знакомиться с людьми, которые писали ей в Facebook. Чтобы видеться с ними вживую. Принимать их приглашения.

Так она и сделала: приняла приглашения. И начала встречаться с незнакомцами, которые предлагали ей дружить. Почему нет? С её стороны это была смелость, знак доверия, который она даровала жизни. Почему мы всегда опасаемся, боимся других, отказываемся? Удары судьбы нужно принимать грудью, не дрогнув. Это подобно волне, нужно идти навстречу, броситься, погрузиться в неё. Если же ты будешь стоять неподвижно и бояться, волна тебя сметёт. Эвандра видела это много раз на море: только тот, кто бесстрашно ныряет, выплывает на поверхность. И она хотела поступить так же. Объяснила это своей подруге Розалене, специально позвонив ей однажды вечером и сказав:

— Розале, не сердись. Для меня жизнь важна, только когда встречаешься и смотришь в глаза. В глаза, понимаешь? Иначе для меня не может быть. Да, это всё хорошо: пользоваться Facebook, переписываться, иметь три сотни друзей. Хорошо. Но так, не видя друг друга... Там нет сердца, Розале, нет сердца!

Именно потому что у Эвандры есть сердце, она ответила «да» одному человеку, который просил о встрече в 18.00 в определённый день возле церкви. Перед этим, естественно, внимательно просмотрела профиль и общалась онлайн несколько дней, чтобы понять по его словам, кем является этот мужчина по имени Франческо Казалегранде. Сложилось впечатление, что он весёлый и остроумный, с огромным желанием жить и занимается очень интересным делом, всегда новым: написал ей, что для работы ему приходится «придумывать себя каждый день». Это понравилось Эвандре, натолкнуло её на мысли о свежести, молодости.

И когда она встретила его в 18 часов назначенного дня возле оговорённой церкви, Эвандра заметила, что этот молодой человек действительно очень молодой. Франческо Казалегранде было двадцать семь лет.

— Но мне сорок восемь лет, Франче! — Это было первым, что сказала Эвандра, увидев перед собой такого молодого и свежего парня с загорелой кожей и великолепной каштановой шевелюрой, пряди которой спадали ему на глаза.

— А что, я не знал, сколько вам лет. Этого не написано в профиле.

Они зашли в кафе возле церкви, чтобы поболтать часик. Первым делом он ей рассказал, что его работа нестабильна. Потом поведал о своей матери, страдавшей болезнью Альцгеймера, об отце, который увлекался вином, о сестре, которой, в отличие от него, посчастливилось уехать в Канаду... Он разговаривал громко, и все вокруг слышали, и вызывающе смеялся с открытым ртом над каждым предложением. Что такого смешного? Также Эвандра не понимала, зачем этот парень захотел встретиться, что увидел между ними, какую возможную связь. Но терпеливо и с пониманием слушала его. Как мать. Он говорил, что окончил научный лицей, потом поступил на инженерию, но было сложно, да он мог сдать экзамены, но требовалось время. Параллельно искал работу, но находил только небольшой нелегальный заработок строителем то там, то сям, а он не был рождён для таскания кирпичей, он чувствовал в себе высокий дух, и что Эвандра была прекрасной женщиной, он понял это по фотографиям и захотел познакомиться с ней, узнать получше... Кстати, она была типографом, отличная профессия! Он нашёл информацию, что её покойный муж владел типографией, и сказал себе: может сеньора Эвандра настолько одинока, что нуждается во мне...

Место, вот что искал этот парень! Рабочее место. Эвандра до конца выслушала его. Между столиками бродили голуби, собирая крошки, и казались обычными прохожими, бесшумными туристами, методичными. Эвандра посмотрела ввысь на небо. Оно было таким идеальным, лишь редкие беловатые полосы, пелена облаков, больше ничего. Расплатилась по счёту она. Улыбнулась, прощаясь с парнем. И сказала, что, безусловно, они встретятся снова, почему бы и нет?

А Фернанда Пизателли не просила её назначить встречу, а каждый день писала: «Почему мы никак не встретимся?» Она рассказывала, что чувствовала себя одинокой и что очень хотела бы обзавестись подругой и снова начать жить. Писала так, но сдержанно. Эвандре показалось, что они в чём-то похожи с этой незнакомкой и в итоге ей тоже ответила: «Почему нет?» Фотография Фернанды её вдохновила: уже немолодая женщина, немного полновата, в красивом розовом пиджачке, в волосах позолоченный зажим, сидит на поляне, поджав ноги, в окружении цветочков.

Они встретились в городском парке, возле скамейки. Это была пожилая женщина. Наверняка фотография со странички была сделана лет десять назад, а то и больше. Может это была даже не её фото, потому что у неё было достаточно широкое лицо и безобразное тело. Одежда старая, грязная. Потрёпанная, бедная, она выглядела как нищая. Когда она увидела Эвандру, то улыбнулась ей, не вставая, глазами, ищущими милость. Это

была короткая встреча, после которой Эвандра чувствовала себя виноватой: она не могла ей помочь, не знала как и не имела желаний. Она оставила её там на лавочке. Она не сказала, что надеялась наконец найти подругу, с которой можно отправиться в небольшое путешествие, к примеру, в Вену, куда давно хотела поехать, увидеть большое колесо; не сказала, что думала в её лице обрести такую подругу для поездок, и вместе они бы поискали недорогие билеты, тур «Всё включено» на выходные. Это не имело смысла. Встреча не удалась. Ей нужно было попробовать ещё раз.

Попробовала. Много раз. Встречалась с разными людьми. Молодыми, старыми. Красивыми, некрасивыми. Никто не был таким, каким она ожидала. Эвандра была осторожной, внимательно просматривала профили, переписывалась на протяжении нескольких дней, а то и месяцев перед тем, как встретиться. Пыталась получить представление о человеке, исходя из переписки. Но потом всегда было что-то иное, что-то, чего не должно быть.

Как в тот раз, когда она встретила Джованну: наконец-то приличная женщина! Она была элегантно одета, покрашена и оказалась доброй и великодушной. Джованна угостила Эвандру обедом в лучшем ресторане городка, пригласила её к себе в горы на выходные, где был дом с десятком комнат, многолетние деревья, бассейн, кровать с балдахином, простыни из толстого льна, пахнущие свежестью. Кроме того, они вместе посетили Вену. Эвандре удалось осуществить свою мечту, и она начала считать, что нашла нужного человека, настоящую подругу, с которой можно делиться многим. Не такую, как Розалена, думающая только о работе и о том, как найти себе мужчину, или сестра Анна, бедная, с тремя детьми и мужем не имеющая ни минуты, чтобы вдохнуть. С Джованной всё было по-другому и казалось нереальным. Они ходили в кино, встречались по субботам. Однажды она даже взяла её с собой на кладбище, и они два часа сидели на лавочке и разговаривали перед Аурелио, который несомненно слушал их.

Но постепенно, кто знает из-за чего, всё стало исчезать. Теряло цвета. Эвандра начала замечать мелкие сигналы — Джованна часто была в плохом настроении, ещё чаще находила отговорки, чтобы не видеться: сегодня нет, может, в другой раз. Было так, словно её новая подруга держится на расстоянии, как будто чувствует себя в плену и хочет ослабить хватку. Возможно, у Джованны появилась новая подруга и сейчас она предпочитала её. Или, может, она просто хотела быть сама по себе. Короче говоря, никто не знает почему, постепенно они прекратили видеться.

Но Эвандра не сдавалась, не желала быть трусихой. Она пыталась узнать каждого. Если не встречаешься с людьми, значит, ты трусишь, так она думала. Действительность не должна пугать, люди сделаны из плоти и

костей, имеют свои запахи, что-то может не нравиться нам, но это жизнь, не нужно отступать! Так она убеждала саму себя, чтобы продолжить.

Только с Орсо Бруно она не хотела видаться. Только ему одному всегда отказывала. Она была убеждена, что под скрытым именем и профилем без информации и фото не может скрываться хороший человек. Однажды вечером она рассказала об этом Бальдо, который случайно проходил мимо и попробовал ей позвонить.

— О, сеньор Бальдо, рада Вас видеть! Я приготовлю чай?

Они говорили о многих вещах, и она, наконец, призналась:

— Знаете, Бальдо, есть человек, который меня преследует. Его зовут Орсо Бруно, только подумайте... Он хочет напугать меня. Но я покажу ему, этому безумцу! Я ни за что не буду с ним общаться!

— Но, может быть, всё не так уж плохо, Эвандра. Видите ли, не всегда всё такое, каким кажется...

— Нет-нет, всё именно такое, каким кажется, всё! Посмотрите на те сколы плитки на крыше спереди, их, кажется, необходимо починить, на самом деле так и есть! Или, к примеру, посмотрите на меня... Кажется, что я одинокая женщина, это действительно так...

— Нет, Эвандра, что вы говорите? Вы не одинокая... я...

— Вы мне очень помогаете, сеньор Бальдо, если бы не вы...

— Вот, именно. Ответьте тому типу... как, говорите, он себя называет, Орсо Бруно? Может, он не плохой, может он просто хочет войти в контакт, быть любезным... Может это одинокий мужчина...

— Ну, если это вы мне говорите, такой мудрый, я подумаю, сеньор Бальдо, я подумаю...

В тот вечер Бальдо пришёл домой с тысячью мыслей. Он вспоминал, как мать закрывала его в доме, когда он был маленьким, а ему казалось, что он закрывался изнутри и уже не мог разговаривать, говорить то, что хотел. Думал о том, когда умер отец (а он был единственным, кто понимал его), Бальдо задавался вопросом — почему умер именно он; думал о том, что уже будучи взрослым, он хотел стать лирическим певцом, а не бухгалтером, о дне, когда решил отправиться в Австралию, но так и не нашёл мужества сказать об этом матери, и тем более уехать, не сказав ей, что было бы лучше всего. Он ходил туда-сюда всю ночь, чувствовал себя переполненным этими мыслями, словно в окружении привидений, которые не желали уходить прочь. Думал и о Facebook, о сети, о том, как человечество теперь доверяет этим ненадёжным посредникам свои самые сокровенные мысли, пока те не придут в место назначения. Сообщения! Кто знает, куда деваются сообщения, которые мы пишем, может где-то есть

огромная дыра, поглощающая все слова, отправленные нами, даже самые секретные, ночные, после наступления темноты, когда мы чувствуем себя одиноко, когда думаем, что мы никому не нужны, что ничто во всей галактике не замечает нашего незначительного существования. Куда уходят мысли, идеи, воспоминания, зависшие в воздухе? Можно узнать куда, кто их получает, что с ними делает вселенная?

Но получается, что вселенная всё-таки что-то делает.

Глава 17

Марианджело работал водителем грузовика. Но он не указал этого на своей страничке. Там лишь было написано:

«Мне нравится путешествовать по миру на своём космическом корабле».

Эвандра подумала: этот парень имеет воображение, живёт в придуманных мирах, как и я. И согласилась встретиться.

— Встретимся в десять, съезжай с автострады на двенадцатом выходе и заезжай на первую зону обслуживания. Там есть заправка и кафе. Жди меня перед туалетом, так мы не потеряемся.

Встретиться возле туалета — это не всё. Вся прелесть поездки ещё и в езде по автостраде. Кроме того, Розалена оставила её в покое, в тот вечер по телефону она даже не укорила её. Если подруга желает встретиться с кем-то с Facebook — пусть. Она только сказала:

— Будь осторожна, Эва, будь осторожна!

В кафе Марианджело угостил Эвандру пиццей. Они ели, сидя напротив друг друга за столиком селф-сервиса. Они были единственными посетителями. Марианджело — полный и весёлый мужчина. Он шутил, рассказывал анекдоты. Его руки были особенно толстыми, на фото в Facebook их не видно. Так же и того, как он разговаривает, немного вульгарно, бранясь. На фото не видно и того, как он, каждый раз делая глоток из своего стакана, вытирает рот ручищей. Этого нельзя было предугадать, предчувствовать, предвидеть. Тем более, что он ей скажет:

— Ты готова? Я возьму тебя на свой космический корабль.

И он взял её с собой в грузовик, который припарковал позади туалетов в специально отведённом месте. Он хотел поднять её в кабину, где были кожаные сиденья, а позади койка. Неубранная кровать, запах пота, плесени, гнилой пищи, дыма. Он сильно смеялся, спрашивая:

— Как тебе мой корабль, нравится? — Эвандра увиливала. Вокруг никого, она боялась, очень боялась. Марианджело продолжал повторять: —

Я не плохой, не бойся. — И протягивал ручищи к её талии с намерением поднять, но она увиливала, тонкая и подвижная, как угорь, Эвандра сбежала.

И ей удалось. Эвандра вошла в бар, спряталась, бармен, возможно, понял, но ничего не сказал, ничего не сделал. Она укрывалась некоторое время. Уже ночью, когда вышла, не было ни одной живой души, никакого грузовика, никакого незнакомца. Она села в машину и уехала.

Ей потребовалось несколько дней. Эвандра была расстроена, подавлена, сердита. Необходимо было подумать, размыслить, понять. Первое время она никому не говорила. Позже рассказала сначала Розалене, а потом и Бальдо, когда он однажды вечером зашёл к ней поздороваться.

Розалена по телефону только сказала:

— Я тебя предупреждала.

Эвандра хотела возразить, что она её не предупреждала и ничего не объяснила.

— Давай встретимся и немного поговорим! — предложила Розалена, не поняв, что немного поторопилась отчитывать свою бедную подругу.

— Ладно, Розале, я тебе как-нибудь позвоню, и мы увидимся.

Бальдо же в тот вечер, когда заходил к ней, присел на диван и спросил, не хочет ли она сказать, где этот тип живёт, потому что он хочет пойти и поговорить с тем Марианджелло! Он был в ярости. Но в глубине души даже немного доволен, понимая, что Эвандра больше не будет сидеть в Facebook, поймёт, что лучше общаться со знакомыми, находиться в безопасности, опираться на надёжных людей. Таких, как он.

— Вы не должны больше повторять такие ошибки... — сказал он, а она полностью согласилась:

— Вы правы, сеньор Бальдо, но знаете, я поняла! Я не буду больше встречаться ни с кем с Facebook, достаточно! Теперь я понимаю, что должна сделать...

— Ну, я рад, что вы поняли. Знаете, что зло не всегда вредно. Сейчас, например, вы знаете, что делать...

— Конечно, знаю! Я поняла, что не нужно выходить за пределы сети, сеньор Бальдо! Сеть — безопасное место, там ты защищён. Но если ты покинешь её границы, может произойти неприятность. Итак, достаточно. Я больше не буду заводить знакомства через Facebook, будьте спокойны! Буду переписываться, отвечать, отправлять фото, но за пределы сети теперь не выйду, вот! Что скажете на это, сеньор Бальдо?

Бальдо был уничтожен логичными и неоспоримыми рассуждениями. Что делать? Он выглядел потерянным. Он надеялся, что Эвандре как

отрежет, что она больше не откроет тот ужасный компьютер. Напрасно, он заблуждался. Попытался в последний раз, но без надлежащего осуждения:

— Я скажу, что при желании можно вообще прекратить...

— Прекратить что, простите?

— Прекратить заходить в Facebook! Теперь вы его изучили, знаете, как пользоваться, у вас сотни контактов... За столько времени там вам должно бы уже наскучить?

Бесполезно, Эвандра почувствовала себя обиженной, непонятой. И вспыхнула:

— Наскучить? Вы понимаете о чём говорите, сеньор Бальдо? Говорить мне о скуке? Мне, у которой нет ничего в жизни, ничего!..

Глава 18

У Эвандры теперь был Facebook. Настоящий, истинный, совершенный Facebook, и абстрактный! Всего лишь слова, адреса электронной почты, фотографии, видео, фразы, приветствия. Она отказалась от ошибочной и неоднозначной идеи знакомиться с людьми в Facebook. Огромное заблуждение: те люди жили только там, в мире Facebook. Они не были настоящими. Разве только имена. Они были как... имена, у которых особенная жизнь, состоящая из окошек и значков. Люди рассказывали о себе то, что хотели, и, если хотели, придумывали себе космические корабли, потому что так было хорошо, жили на другой планете, не на этой.

Эвандра никогда не мечтала общаться в выдуманных мирах, ведь в том, где мы все живём по-настоящему, есть автомобили, магазины, кремовые торты, шелковые одежды, которые скользят по коже, звон колоколов в воскресенье утром. Очевидно, что каждая встреча была для неё как пощёчина, удар в нос, падение. Она это поняла. Facebook не существовало. Или лучше сказать, что был некий параллельный мир, река, которая течёт рядом, которую ты чувствуешь, но не видишь. Может быть, у слепых, именно у слепых, такое же восприятие вещей, но оно, однако, касается нашего мира, где мы все живём, а им запрещено это видеть. Ей нравилась эта идея запрета, в некотором смысле проклятия, что неизвестно как и когда пало на Facebook, и с того времени им управлял своего рода диктат высшего уровня: вы будете общаться и видеться через поддельные фото, но никогда не будет позволено увидеть, как всё на самом деле, вы потеряетесь! Это не фатум, достаточно это знать. И не делать ошибок, не нарушать порядок, закон. Подчиняться покровителю Facebook, или же он будет мстить. Наконец-то, Эвандра это поняла. И, наконец, у неё была

полноценная настоящая жизнь, но исключительно в сети.

Сейчас, когда Эвандра избавилась от того ненужного и вводящего в заблуждение чувства, настоящей проблемой стало то, что ей слишком хорошо было в Facebook. Теперь, когда она решила не знакомиться со своими контактами, не видаться с ними в реальной жизни, всё равно оставалась полностью поглощена Facebook и не желала выходить из дома даже за покупками. Она была счастлива. Ну, если не счастлива, то, по крайней мере, спокойна и безмятежна.

Если бы ещё не мучили сомнения!

Внутри неё был червь, который не давал покоя. Так она его называла: червь. Это было чувство вины, медленное психическое сгорание, угрызение, которое захватывало мысли и пронзало их каждый раз, когда она сидела в Facebook вместо того, чтобы отправиться на кладбище. Вот что происходило: она имела прежнее желание ходить к своему Аурелио, но теперь это стоило ей дороже. Желание остаться в Facebook было сильнее. Но как только она позволяла себе даже просто подумать о такой радости, страдания становились настолько сильными, что она надевала пальто и обувь, выходила за дверь дома и шагала по посёлку до гравийной дороги поля с нишами. Там она садилась на лавочку и говорила:

— Однако, Аурелио! Я пришла и в этот раз. Ты же знаешь, что ты моя жизнь, душа моя. Однако...

Эвандра оставалась там, разговаривала с подругами по кладбищу, меняла воду в цветах, натирала мрамор, играла в карты. Всё как прежде. Но внутри ковырял червь. У неё зарождалось обратное чувство вины: мысль, что она предала Facebook, выбрав покойного мужа, что-то в этом роде.

Для Эвандры начался беспокойный и запутанный период, она больше не находила беззаботность нигде. Возле мужа думала о Facebook. Будучи онлайн думала о муже.

— Я не могу жить такой жизнью, — говорила она.

Однажды вечером её навестил Бальдо. Прошёл месяц после того, как он заходил в последний раз. Он это делал из уважения. То есть уважать настолько, насколько это возможно, её желание быть в одиночестве. Сидя в Facebook, Эвандра хотела быть одной, она предельно ясно объяснила это, Бальдо понял и, как мог, пытался удовлетворить её просьбу: не позволял себе ходить к ней каждый вечер, как ему бы этого не хотелось.

Но в тот вечер он позволил себе такой проступок. В конце концов, подумал он, месяц воздержания! Если я приду, что будет такого?

И слава Богу, что он пришёл. Эвандра находилась в плачевном состоянии, волосы растрёпанны, на ногах домашние тапочки, почти порванные и грязные, а на ней самой два или три слоя старых, испорченных молью свитеров. Она казалась расстроенной, почти сумасшедшей.

Они присели на диван, но Эвандра не могла усидеть на месте. Вставала, садилась, снова вставала. Бальдо пытался понять, попробовать поговорить. Это было нелегко, она бросалась незаконченными фразами, половинами высказываний, бессмысленными рассуждениями. Более-менее она произнесла:

— Сеньор Бальдо, вы же знаете, моя жизнь была не слишком радужной? Судьба отняла у меня всё. А сейчас не то, чтобы я хотела делать непонятно что, но я чувствую себя опять живой, я дышу, я двигаюсь... У меня есть сердце, сеньор Бальдо! Я должна заглушить его? Память да, это великая вещь, она кормила меня, дала мне мужество. Но мне больше её недостаточно. Это грех? Скажите мне, сеньор Бальдо, я грешница? Я заслуживаю наказания? Или я могу высоко поднять голову и смотреть прямо в глаза людям, взять кусочек, который мне предназначен, свет, надежда, слово, что-то, что поднимет меня из пропасти?

Бальдо вышел из того дома с душой, разодранной в клочья. Он не ожидал увидеть свою подругу в таком состоянии, не мог простить себя за то, что оставил её одну. «Не имеет значения, если женщина говорит тебе исчезнуть, ты не должен этого делать, если ты мужчина, — говорил Бальдо сам себе в тот вечер, возвращаясь домой медленным и тяжёлым шагом. — Ты не должен слушать её, она нуждается в тебе и ты обязан быть рядом, потому что женщины такие: говорят одно, а хотят другое».

Как он обрёл такую огромную мужскую мудрость, мы не можем знать. Единственное, чего Бальдо не мог вынести, это то, что Эвандре так плохо. Он любой ценой должен что-то предпринять, чтобы помочь ей.

Глава 19

Бальдо думал три дня. Целых три дня он ходил на работу, но мыслями находился в другом месте. Мать сразу заметила что-то неладное и была очень обеспокоена, что её Джесу в таком состоянии.

— Джесу, что с тобой происходит? — спрашивала она постоянно и готовила ему свежую лапшу, чтобы он пришёл в себя.

Заметили и в офисе — Розалена и её усатый коллега, с которым она

больше не встречалась. Он сказал ей, что не желает предавать жену, что возвращался домой всегда с комом в горле и стыдился того, что делал. В общем, лучше остаться просто коллегами, потому что нельзя быть вместе, а потом этого стыдиться. С этим Розалена согласилась, даже сказала, что ему должно быть стыдно... стыдиться, вот что ему нужно делать!

По истечению трёх дней, в ночи, у Бальдо появилась идея. Эта идея была такая нелепая, что он сгорал ещё три дня, прежде чем сказал себе, что может приступить к реализации. В те дополнительные дни пытался собрать все возможные «против», которых в действительности было много, начиная с того, что всё было слишком запутанным, ненастоящим и кто знает, подействует ли на Эвандру. Это не было в точности обманом, но почти. Однако в хороших целях. Во всяком случае, ничего другого сделать нельзя, Бальдо считал, что это единственный способ.

Короче говоря, Бальдо пришёл к выводу, что он должен выполнить волю Эвандры, а не наоборот выстраивать стену между ними. Эвандра хотела оставаться дома, чтобы проводить в Facebook весь день. Конечно, было бы лучше убедить её, что это безумие, что Facebook — ненастоящая жизнь, что существует реальный мир и лучше выходить на улицу, видеть людей, ходить в кино или гулять с кем-то, держась за руки. Возможно, с ним... Но он не смог переубедить её, бесполезно на это рассчитывать, ему не удалось. Может, он и не пытался по-настоящему или был не слишком убедительным или не использовал правильные методы. Он был некомпетентным, отлично понимал это и одновременно не знал, что такое настоящая жизнь. Итак, сейчас перед ним открылись два пути: не допускать, чтобы она пользовалась Facebook, если понадобится даже применив силу, но это сделало бы её несчастной навсегда и вызвало бы ненависть к нему; или прислушаться к ней и надеяться, что в один день она распознает ту любовь и будет в некотором роде благодарна. Очевидно, лучше выбрать второй путь.

Но разве достаточно сказать ей не волноваться и целыми днями сидеть в Facebook, вне зависимости от дождя или солнца на улице? Конечно не достаточно, потому что есть ещё червь. Тот проклятуший червь, который её грыз, нравственная психологическая ловушка, узел, который окутал и не позволял двигаться, своего рода блокировка, что обездвиживала её и, следовательно, делала очень несчастной. Потому что нет ничего хуже в жизни, чем не чувствовать свободу, не имея при этом никаких реальных физических препятствий. Чувствовать себя заключёнными, не будучи в тюрьме, или связанными, не имея верёвки. Эвандра, проще говоря, не хотела больше ходить на кладбище, но и сил признаться в этом не

находила. Это узел. Ей нужна помощь, чтобы вольно делать то, что она хотела, но не позволяла себе. Нужно заставить её оставаться дома, а для этого существовало только одно решение: нужно было, чтобы дождь шёл всегда! Только во время дождя она была в мире с собой: у неё существовал веский предлог не посещать мужа, и она могла делать то, что больше всего желала — сидеть в Facebook, не чувствуя даже крошечной вины. Всё просто!

На данный момент проблема была сугубо технической: как сделать так, чтобы дождь шёл, не прекращаясь.

Бальдо сразу стало ясно, что естественного решения быть не может: он не шаман, не знает этого искусства и не умеет вызывать дождь. Итак, создать дождь естественным путём невыполнимо.

Требовалось изобрести машину дождя и разместить её перед окнами дома Эвандры. Машину, искусственно производящую дождь. Но изобрести её невозможно, ведь она уже существовала: то, что обычно используется для орошения полей или в горах для создания искусственного снега, или даже в кино и театре, где делаются искусственные дожди, грозы, ураганы и ливни. Нужно было разузнать. А дальше единственной проблемой будет возможность применения такого оборудования в конкретном месте. То есть, возле дома Эвандры. Конкретно, перед окнами. Достаточно, чтобы дождь лил перед её окнами — Бальдо посетила гениальная мысль! Она смотрела бы на улицу, обнаруживала дождь и оставалась дома! Просто! И садилась бы за Facebook. Безо всяких сомнений!

Тем более что остальным жителям городка, если смотреть правде в глаза, совсем не понравилось бы, если бы постоянно шёл дождь. Все сказали бы: зачем этот дождь? Чтобы угодить одному человеку, а конкретно, одной вдове, которая хочет немного повозиться с компьютером? Известно, что общее благо не перекликается с благом одного человека, наоборот, когда может именно общество топчет его. Таким образом, было бы хорошо, чтобы дождь шёл на ограниченной территории, такой себе дождь на персональной основе, специально для вдовы Мартелла.

Для этого дела нужен техник. Бальдо таковым не являлся и ловкостью рук не отличался. Но вспомнил, что зять Эвандры электрик. Также вспомнил, как она говорила, что он доброжелательный и хорошо к ней относится. Значит, подумал Бальдо, он может стать отличным союзником.

Он нашёл его через Розалену, не сказав ей всю правду, а скрыв истинную причину, по которой искал зятя Эвандры. Сказал лишь, что хотел помочь ей исправить техническую проблему в доме и нуждался в электрике. Только когда все катастрофические события пришли к

завершению, в том числе и обман, она обвиняла себя, что не разобралась раньше, и разозлилась на Бальдо, который так тонко её использовал, обманул и предал. Но было слишком поздно, всё, что должно было произойти, уже произошло.

Секондо, зять Эвандры, был рад помочь Бальдо. Его вообще не интересовали подробности. Бальдо рассказал ему, что речь о том, чтобы сделать приятно Эвандре, какой-то подарок, и ему этого было достаточно. Так как ей нравится дождь, объяснил Бальдо, я подумал создать многолетний дождь перед окнами. Они вдвоем подарили бы ей дождь! Секондо пришлась по душе эта идея, потому что он, как и Бальдо, сделал бы всё, чтобы осчастливить Эвандру.

Глава 20

Они зашли в Google и набрали в поиске: *машина для дождя*. Появились бесчисленные сайты, где объяснялись различные изобретения и продавались несколько агрегатов для производства дождя: параллельные стробоскопы, самолёты, создающие горячие и холодные облака, которые затем встречаются, двигатели, насосы, каучуки, такие же, как для орошения полей. А ещё машины дождя и ветра, конфетти, стрельба пузырями, пушки с пеной.

Они выбрали простую машину, занимающую немного места. Доставку заказали в почтовое отделение, чтобы в семье ничего не заметили. И, конечно, решили работать в ночное время, когда все в посёлке, а особенно Эвандра, спали. Они достали спецодежду, чтобы выглядеть как рабочие, коробку с инструментами, длинную стремянку, которая доставала выше третьего этажа, на котором жила Эвандра. И старались как можно меньше шуметь. Это было не просто, так как они должны были присоединить к фасаду дома сложную систему вентиляторов, кабелей, электрических схем и резервуаров для воды. Они надеялись на каталептический сон жильцов. Потратив на это дело всю ночь, утром пошли на работу.

Ближе к вечеру они встретились возле дома Эвандры. Тот день был ясным, солнечным, без единого облака, и жара не отпускала даже вечером. Люди прогуливались по центру, пили напитки, ели мороженное. Бальдо и Секондо тайком подобрались к своей машине дождя, маневрируя по панели, которую установили рядом с дверью за колонной. Они маневрировали как самолётики, вертолёттики, машинки или лодки на дистанционном управлении. И как по волшебству, точно и исключительно перед окнами Эвандры начался дождь. Сработало! Сначала был лёгкий

дождик, а затем более плотный и сильный, который шёл по диагонали и выглядел как настоящий ливень.

Бальдо и Секондо на некоторое время присели на тротуаре с противоположной стороны, чтобы полюбоваться проделанной работой. Это было зрелище!

Поначалу немногие замечали. Люди такие невнимательные! Идут по улице со своими мыслями в голове, смотрят, но в сущности ничего не видят: глаза просто перебегают туда-сюда, было бы совсем по-другому, если бы то, что отражается на сетчатке доходило бы до сердца и мозга. Но мы такие, большая часть проводит свою жизнь в спешке, куда-то бежит, даже мысленно: мы предпочитаем пройти дальше, представив, что случится в следующий момент, вместо того, чтобы остановиться на мгновение в настоящем. И когда, наконец, проявляем интерес, момент упущен, он стал частью прошлого, которое можно спокойно заархивировать. Лишь некоторые из этих торопливых прохожих, чувствуя намокшую голову, смотрели вверх, но, не видя ничего особенного, приходили к выводу — кто его знает, может, на верхних этажах поливают цветы или моют балкон.

Лишь когда на тротуаре образовалась настоящая лужа, растущая с каждой минутой, только тогда обратили внимание. И постепенно образовалась кучка растерянных людей, они показывали на окна Эвандры, в ту точку на стене дома, к которой была прикреплена штукавина, производящая дождь.

— Идёт дождь? Странно, ведь было солнечно.

— Смотри, дождь идёт только там!

— Это правда, только в том месте!

— Но как такое возможно?

— Любопытно!

Все они были изумлены и сбиты с толку. Спустя несколько часов голоса распространились так, что половина посёлка была под окнами Эвандры. А на следующий день пришло ещё больше, это явление не прекращалось и с каждым часом становилось всё интересней. Началось изучение: что там за машинка, кто её установил и зачем. Были те, кто просто предполагал, выдвигая самую экстравагантную гипотезу, которая имела научное объяснение, а также те, кто взялся расспрашивать направо и налево, звонить в двери соседям и, естественно, Эвандре, где никого не было.

К вечеру прибыли Бальдо и Секондо, которые, закончив работать, горели желанием проконтролировать свою замечательную работу. Видя собравшуюся толпу, которая констатировала, что такой детективной погоды никогда не было, у них не возникло никаких проблем, чтобы выйти вперёд и объяснить каждому подробности. Они рассказали всем присутствующим правду, говоря с теми, кто был ближе, а те в свою очередь распространяли рассказ дальше и дальше. Таким образом, очень быстро информация распространилась на сотню людей.

Почему бы не раскрывать правду, как она есть? Решили Секондо и Бальдо. О своем любезном подарке Эвандре, который должен помочь ей, бедной вдове Мартелла. Умолчали лишь о глубокой и скрытой причине их жеста поддержки: о любви, которую каждый по-своему испытывал к Эвандре. Умолчали, потому что сами до конца не осознавали её: внутри обоих из ничего созрело собственное странное чувство, питаемое только неопределёнными мыслями, бледными намёками, кивками, взглядами, полуфразами, недосказанными или оставленными в углу сознания, покрывшимися пылью. Нельзя говорить другим о таких маловероятных, воздушных и неприступных вещах, лишённых какой-либо текстуры и формы. Итак, они открыто говорили только о том, что было видно, то есть о сложном механизме, как он производил дождь, который казался настоящим, как к ним пришла эта идея и как, чёрт возьми, они посреди ночи взобрались, чтобы надёжно прикрепить его.

Люди сразу поняли. Такие же современные бестии и те, кто о Facebook ничего не знал, даже старики в посёлке, те, кто постоянно держал трубку во рту, чьи огромные животы свисали на ремни брюк, чьи лица были покрыты морщинами, которые выглядели как борозды на вспаханной земле. Люди поняли. И не просто угомонились, а прониклись искренним волнением, соглашаясь с тем, как хорошо помочь одинокому человеку, разделить горе вдовы, облегчить немного, если возможно, бремя жизни.

Единственные немного в замешательстве оказались жители нижних этажей, которые днём и ночью получали вёдра искусственного дождя. Но они были хорошими людьми и возражать не стали. На втором этаже, прямо под Эвандрой, жила многочисленная семейка: он был рабочим, а у жены была куча хлопот — отвести пятерых детей в школу и наскрести немного денег, убирая у более зажиточных, так что до дождя ей не было никакого дела. На первом этаже жила старушка, которая беспокоилась только о своих геранях. Их у неё на подоконнике был целый ряд, они были её страстью:

она попросила, нельзя ли сделать так, чтобы дождь шёл немного наискось, чтобы вода не погубила цветы.

Всё шло хорошо. Бальдо и Секондо приходили посмотреть каждый день после работы. Они останавливались напротив. Контролировали, всё ли работает, гордились своим сооружением, представляя себе счастье Эвандры. Они больше её не видели и не слышали, это было хорошим знаком: значит, видя дождь, она всё время проводила в Facebook, так сильно желая этого.

Глава 21

Спустя неделю некоторые жители посёлка начали думать, что, возможно, это не очень хороший знак, что Эвандру не видно. Люди бормотали:

— Она что вообще не выходит из дома? Куда подевалась? Что-то случилось?

На самом деле не было никаких следов вдовы Мартелла. Жалюзи были подняты всегда на одну и ту же высоту, шторы тоже в одном положении. Никто больше не видел, ни чтобы она выходила, ни чтобы входила, не гуляла пешком и не брала машину, которая была припаркована на одном месте и становилась всё более запыленной.

Теперь сестра звонила ей ежедневно и начала серьёзно беспокоиться, говорила мужу, что нужно что-то сделать, а Секондо не знал, нужно ли вмешиваться или не прерывать, как он думал, счастье Эвандры.

Также звонила Розалена и разговаривала о ней со своим коллегой Споссато, который делал вид, что ничего не знает, но начинал задумываться.

Соседи иногда звонили в звонок, пытались услышать не исходит ли с той квартиры шум, шаги, какой-нибудь признак жизни. Ничего.

Через десять дней всем стало ясно, что что-то произошло. Если она дома, то хотя бы за продуктами должна выходить. Эта простая мысль убедила людей вмешаться, в один вечер собрался почти весь городок, и все вместе бросились к двери. Они звонили, стучали, ударяли и толкали. Ничего. Тогда они выбили дверь.

Тишина, полумрак. Жители городка добрались в гостиную и в самом дальнем и тёмном углу увидели её. Она сидела за столом, опустив голову на клавиатуру компьютера, руки почти касались пола, неподвижные. Экран был включён. Казалось, она мёртва.

Прибыла скорая помощь. Бальдо услышал её издалека. Он оставался оцепеневший на тротуаре: не заметил, как поднялись медики, и ничего не знал. Но чувствовал. Он понимал. Ему хотелось умереть. Он не мог сделать шаг, подвигать рукой, моргнуть. Хуже, чем статуя.

Он видел, как её сносили вниз на носилках. Видел, как погрузили в машину, закрыли двери и уехали, включив сирену. Он слышал от людей вокруг куда её повезли, в какую больницу. Слышал голоса прохожих: надемся, всё обойдётся. Да, её нашли вовремя. Существует специальный отдел для этих заболеваний. А чем она больна? Говорят, странная зависимость... Хорошо, что мы вмешались. Да, но нужно было сделать это раньше.

Он оставался там до ночи. Больше никого не было на улице в том углу тротуара.

Самое смешное, что никто не додумался выключить машину дождя, дождь продолжал литься, непрерывная струя, стена дождя. Нереально, в такую густую ночь, в такой тишине.

Медленно Бальдо побрёл обратно домой.

Вошёл, бросил куртку. Стараясь не разбудить мать, подошёл к столу, открыл ноутбук, зашёл в Facebook на привычную страницу и написал, как и каждую ночь, своё сообщение:

Дорогая Пёстрая Гвоздика,

и этот день уходит. Я вижу, он убегает, как испугавшееся животное, которое ищет свою нору. Надеюсь, оно найдёт её. Надеюсь, что ты тоже найдёшь тёплое убежище, где сможешь укрыться. Эта весна такая холодная, всё время идёт дождь... Я просто хочу сказать, что случилось и почему ты не должна бояться моего вымышленного имени. Знаю, что эту историю я рассказываю тебе каждый вечер, но пока ты мне не ответишь, я продолжу, я не устану. Когда я был маленьким, отец перед смертью подарил мне бурого медведя. Он достал его из-под кровати в больнице. Я навещал его, как всегда, я не знал, что он умирает. А он знал. Он дал мне этого медведя из искусственного меха и такого бурого, что, увидев его, можно было испугаться. Но я не испугался. У него были добрые глаза, и я забрал его домой. Потом, когда мне сказали, что мой отец умер, у меня от него остался только медведь. Он до сих пор у меня, составляет компанию. По ночам я обнимаю его и чувствую себя сильным, таким, какого могла бы полюбить женщина. Поэтому тебе я назвался Бурым Медведем. Я хотел

сказать тебе. Месяцами я собирался и мне всё время кажется, что уже поздно; сегодня вечером, потом, лучше позже, чем никогда... Но это не так, никогда не поздно. Поздно или рано — это мы придумываем, чтобы страдать. Но ты должна поверить: нет неправильного или правильного времени, есть только время, которое, к сожалению, уходит.

Гвоздика, прошу, не прогоняй время, прочитай! Прочитай слова, которые я пишу тебе, прими дружбу, нажми на моё имя, тебе нечего бояться! Если ты не захочешь, мы никогда не увидимся, обещаю! Я хотел только пригласить тебя на «Богему», только это... Но решать тебе. Наша любовь настолько тонкая, прозрачная, любой неосторожный жест причинит страдания... Она как нить, которую можно порвать, ты права, нужно быть осторожными. Как паутина, от которой внезапно отрывается часть и паук висит в воздухе, а потом кто знает, сколько нужно, чтобы сплести заново...

Подумай об этом, Гвоздика. Завтра всё ещё будет не поздно, а я буду писать тебе каждый день. Однажды прочитай: тебе будет так смешно узнать кто я!

И как только сможешь, ответь...

Бальдо Медведь

Конец